

VII. ЧИСТОТА КОРАНИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Коран — единственная из священных книг мира, тексту которой свойственна исключительная чистота. Всякое слово в Священном Коране, всякий звук, воплотившийся в букве его, дошли до нас точно такими же, какими были они тогда, когда сорвались с уст Святого Пророка Мухаммада, кому Книга ниспослана была в откровении; и именно потому на протяжении столетий, истекших с того времени, как снизошло Писание, у всех мусульман, от живущих в западных странах до обитающих в краях восточных, у всех исповедующих ислам, к какому бы из великого множества соперничающих друг с другом течений ни относились они, был и остаётся всегда всё тот же Коран — единственный и неповторимый. Только эта Книга — из всех, что были ниспосланы, — открывает, с совершенной несомненностью, путь к свету Господнему, который был явлен сердцу пророка Божьего. Факторы, сыгравшие важнейшую роль в деле сохранения текста свободным от искажений, суть следующие: запись его производилась под непосредственным руководством Пророка, а на память заучивался он многими прямо во время откровения.

1. ВСЯКИЙ ИЗ ФРАГМЕНТОВ СВЯЩЕННОГО КОРАНА ЗАПИСЫВАЛСЯ ВСЛЕД ЗА НИСПОСЛАНИЕМ ЕГО.

В Мекке существовала письменность.

Первым и наиважнейшим из обстоятельств, способствовавших сохранению текста Священного Корана, является запись каждого стиха ещё при жизни Святого Пророка и под его непосредственным наблюдением. И в Мекке, и в Медине письменность в доисламскую эпоху уже существовала, так что арабы, хоть и полагались они обычно на свою удивительно хорошую память, цепко удерживавшую тысячи поэтических строк и длиннейшие родословные, облекали, тем не менее, наиболее важные свои сочинения в письменную форму и вывешивали эти тексты в различных общественных местах, где соотечественники могли с ними ознакомиться и отдать им дань восхищения. Отсюда, к примеру, происходит название семи знаменитых од — «*Ал-Саб Ал-Муаллакат*», т.е. «Семь вывешенных». Это имя они получили, поскольку списки их, действительно, были вывешены в Каабе самими авторами в период паломничества — как тексты произведений непревзойдённого поэтического совершенства; в течение какого-то времени так и оставались они там выставленными на всеобщее обозрение.

Мюир приводит свидетельства как относительно того, что письменность была известна в Мекке и в Медине, так и относительно того, что Коран действительно записывался:

«Имеются самые серьёзные основания полагать, что записи многих фрагментов, охватывающие в совокупности своей весь или почти весь текст Корана, были сделаны ещё при жизни Пророка его последователями. Письменность была, вне всякого сомнения, широко распространена в Мекке задолго до начала пророческой миссии Мухаммада. И в Медине многие из последователей Пророка занимались тем, что записывали за ним тексты посланий его и депеш. (...) Беднейшим из пленников, захваченных в битве при Бадре, свобода была предложена в обмен на то, что обучат они какое-то число жителей Медины писать. И хотя население Медины не было, в целом, столь образованно, сколь население Мекки, можно, тем не менее, и там указать немало таких, что умели писать ещё до наступления эры ислама». (Мюир,

«Жизнь Мухаммада», Введение, стр. xviii).

Свидетельства самого Корана относительно записи текста его.

При чтении Священной Книги не может не привлечь к себе внимания следующее обстоятельство: пользование пером (палочкой для письма) предполагается уже в первом из откровений, явленных Пророку. Вот как звучат эти пять кратких фраз, ниспосланных ему в самом начале его миссии:

«Читай во имя твоего Господа, Который создал —

«Создал человека из кома —

«Читай, и твой Господь самый щедрый,

«Который научил пером —

«Научил человека тому, чего тот не ведал» (96:1-5).

Со всей определенностью установлено, что сам Пророк не умел ни читать, ни писать. Всё же, сколь бы странным это ни казалось, в самом первом из посланий, полученных им Свыше, велено ему не только читать, но и, кроме того, прибегать к помощи пера, что было в то время единственным способом сохранения знаний. Именно поэтому устроил всё он с самого начала так, чтобы всякое откровение немедленно, непосредственно вслед за ниспосланием, записывалось, — да ещё чтобы заучивалось оно наизусть теми, кто окружал Пророка и кому явленное повторял он вслух. Более того, сам Священный Коран полон доказательств существования своего в форме письменной. Всё опять и опять именуется он себя *китаб*, т.е. «книгой», или же «писанием, завершённым в себе» (см. гл. 13). Обозначается Коран также и словом *сухуф*, смысл которого — «исписанные страницы»: «Посланец Аллаха, читающий вслух страницы чистые, на которых книги праведные» (98:2). «Страницы чистые» — это страницы священного Корана, а праведные книги — это главы его; ибо не только весь Коран называется *Ал-китаб*, т.е. «Книгой», книгами зовутся и отдельные его главы. Сказано также: «Нет! Воистину, это источник возвышения; так пусть же тот, кто возжелает, помянет его — в страницах преславных, возвышенных, чистых, в руках писцов благородных, добродетельных» (80:11-16). Слово *сахифах* (множественное число — *сухуф*), которое использовано здесь, — то же самое, что применялось для обозначения собрания, составленного Зейдом в эпоху халифа Абу Бекра, а затем — Усмана. Итак, Священный Коран, как становится для нас очевидным, определяет себя — совершенно ясно и недвусмысленно — и с помощью слова *китаб*, и с помощью слова *сахифах*; по-арабски оба они означают «книга написанная», в чём легко можно убедиться, открыв любой словарь арабского языка. Производным от того же корня, т.е. от *сахиф*, является слово *Мусхаф*, употребляемое как имя для Святого Корана и по сей день; означает оно книгу или том, образованный собранием *сахифах* («страниц исписанных»).

Встречаются в Священном Коране и многие другие указания на то, что главы его уже существовали в письменном виде, когда новое вероисповедание делало лишь первые свои шаги. Так, сказано ведь: «Воистину, это Коран щедрый в Книге соблюдаемой; никто не коснётся его, кроме очистившегося» (56:77-79). Это стихи из главы, ниспосланной в одном из наиболее ранних откровений. Родуэлл комментирует приведённый отрывок следующим образом: «Здесь утверждается наличие в общем пользовании по меньшей мере фрагментов Корана. Это место процитировала сестра Умара, когда тот, во время своего обращения, пожелал взять в руки принадлежащую ей копию двадцатой суры. Стихи 78-ой и 79-ый должны были, по приказу халифа Мухаммада Абу-ль-Касима ибн Абд Аллаха, быть начертаны на всех списках Корана». Общеизвестно, что мусульмане к любому месту коранического текста относились в равной мере благоговейно и что всякое слово в нём почиталось Словом Господним. Поэтому совершенно отсутствуют основания полагать, что какие-то фрагменты Священного Корана были записаны, тогда как иные — не были. За всю историю ислама не складывалось когда-либо условий, применительно к которым подобное предположение, чреватое возможностью считать одни такие фрагменты существенно отличными от других, могло бы оказаться справедливым. Никаких нету резонов утверждать, что некоторые главы были зафиксированы письменно, а некоторые — сочтённые почему-нибудь для записи не особенно подходящими — не были, что не со вполне одинаковым тщанием сохранялись разные части Священного Корана. Отметим здесь же, что в одной из глав, ниспосланных в Мекке, брошен неверующим следующий вызов: «Или скажут они: "Он измыслил это"? Скажи: "Тогда доставьте десять измышленных глав

подобных этому и призовите, кого вы можете, помимо Аллаха, если вы правдивы"» (11:13). Такой же вызов брошен и в главе, относящейся ко времени ещё более раннему: «Скажи: "Если бы люди и джинны собрались вместе, чтобы доставить подобное этому Корану, не смогли бы они доставить подобное ему, хоть бы и были одни из них помощниками другим"» (17:88). А в главе, содержание которой было явлено в откровении в Медине, мы читаем: «А если вы пребываете в сомнении относительно того, что Мы явили Нашему слуге, тогда создайте главу подобную этому и призовите своих помощников, помимо Аллаха, если вы правдивы. Но если не сделаете вы этого, — а никогда вам этого не сделать! — то остерегайтесь Огня» (2:23,24). Отметим тут, что все эти обращения к противникам с тем, чтобы создали они одну суру или десять сур, сравнимых с Кораном, предполагают факт существования сур Священного Корана в письменном виде в тот момент, когда вызов был брошен; иначе в таком вызове не было бы смысла.

Исторические свидетельства записи Корана.

Много есть рассказов о том, что всякое откровение, ниспосылавшееся Святому Пророку, записывалось немедленно. Вот как описывает сложившуюся традицию сам Усман, третий по счету халиф, чьё имя наитеснейшим образом связано с собиранием Корана (он был одним из тех, кто раньше всех других обратился в ислам, и находился он рядом с Пророком почти с самого Зова): «Было у посланца Аллаха такое обыкновение: когда ниспосылались ему части разных глав, то всякий раз, как нисходил некий стих, вызывал он кого-либо из записывавших Священный Коран и говорил ему: "Впиши эти стихи в главу, туда, где встречаются такие-то стихи"» (АД. 2:123). Здесь рассказывается не о том, что было сделано Святым Пророком лишь как-то однажды, но о делавшемся им постоянно, каждый раз, когда ниспосылался ему какой-нибудь из стихов Священной Книги. Следовательно, мы обладаем совершенно определённым свидетельством того, что всякий стих откровения Господнего был записан по распоряжению и в присутствии Святого Пророка, причём особое внимание уделялось им определению как места этого стиха, так и главы, в которую входит он, — если к моменту записи две главы (или большее их число) были не вполне завершены; делалось это для того, чтобы писцы не перепутали стихов одной главы со стихами другой.

Писцы Пророка.

Свидетельство Усмана подтверждается тем, что узнаём мы из других источников высочайшей авторитетности. Так, в исследовании Бухари — в разделе, носящем название «Переписчики Пророка», — повествуется вот что: «Когда был ниспослан стих *ла йастави-л-ка идун...* (4:95), Пророк (да будет с ним мир и благословение Аллаха!) сказал: "Приведите ко мне Зейда, и пусть принесёт он дощечку и чернильный прибор". Затем сказал он ему (Зейду): "Пиши — *ла йастави...*" (в откровении нисшедший стих)» (Б.66:4). Согласно другому сообщению, что приводится в том же разделе, Абу Бекр послал за Зейдом и сказал ему: «Доводилось тебе записывать откровения для Посланца Аллаха (да будет с ним мир и благословение Аллаха!)» (Б.65:ix,20). Наряду с Зейдом, которому принадлежит честь записи подавляющего большинства тех откровений, что явлены были Святому Пророку в Медине, упоминаются и многие другие: некоторые из них облекали в письменную форму ниспослания мекканские, иные же — в отсутствие Зейда — и мединские. Среди них — Абу Бекр, Умар, Усман, Али, Зубейр ибн Авам, Абд Аллах ибн Сад, Халид и Абан, сыновья Саида, Убайи ибн Каб, Ханзалах ибн Раби, Муайкаб ибн Абу Фатимах, Абд Аллах ибн Аркам ибн Шурахбиль и Абд Аллах ибн Равахих (ФБ; т. ix, стр. 19). Утверждают, что сорок два человека из сподвижников Святого Пророка выполняли для него работу писцов. Столь велико было значение, придававшееся немедленной записи откровений вслед за ниспосланием их, что даже при таком исторически важном событии, как бегство Пророка из Мекки в Медину, не были забыты перо, чернильный прибор и всё остальное, нужное для письма; взято это было в дорогу среди предметов первой необходимости. В писцах недостатка не было; заключить это можно хотя бы из того, что помимо Священного Корана записывалось и многое другое. Некоторые из соратников Святого Пророка облекали в письменную форму различные речения его, которые, как правило, передавались лишь устно (Б.3:39). Писались, по распоряжению Святого Пророка, письма, адресованные владыкам разных краев (Б.64:84). Перемирие в Худайбийи тоже было зафиксировано письменно (Б.54:15). Велась также переписка с иудеями — на иврите (Б.94:40). Читать и писать умели не только мужчины; обучены были

мастерству этому и женщины. Из жён Пророка по меньшей мере двум, Аише и Хафсе, было известно искусство чтения и письма, как сообщают об этом многие авторитетные источники. Не надо, впрочем, думать, что лишь сподвижники Пророка умели писать или что они только были создателями списков Священной Книги. Эти люди выполняли функцию писцов при самом Святом Пророке. Многие же другие переписывали текст Корана для себя.

Кроме этих сообщений — из которых можно совершенно определённо установить, что всякий стих Священного Корана записывался непосредственно вслед за тем, как являлся он в откровении, — существует великое множество рассказов, подтверждающих такое заключение косвенным образом. Передают, к примеру, следующие слова Святого Пророка: «Не записывайте за мною ничего, кроме Корана» (ФБ., т. ix, стр. 10). Такое указание (а сделано оно было, дабы предотвратить смешение текста Священной Книги с какими-либо посторонними ей речениями Святого Пророка) имплицитно удостоверяет факт существования Корана в письменной форме. Этот вывод подтверждается также и следующим обстоятельством: запись некоторых хадисов была всё же позволена — но в тех лишь случаях, когда не являлась реальной опасностью какой бы то ни было путаницы, могущей произойти по вине писцов (Б. 3:39).

Из повествования Ибн Хишама про то, как обращён был Умар, можно почерпнуть данные, свидетельствующие о широком распространении списков разных глав Священного Корана в среде тех мекканцев, которые были среди первых из тех, что приняли ислам. Однажды Умар, сжимая рукоять обнажённого меча, вышел из дома своего, дабы умертвить Святого Пророка. По дороге узнал он, что собственная его сестра и шурина исповедуют втайне ислам. Обратил он тогда стопы свои к дому сестры. «В это время находился там третий, Хаббаб, и была у него с собою книга, в которой *Та Ха* (глава двадцатая Священного Корана), и обучал он ей сестру Умара и мужа её. Когда заметили они, что подходит к дому Умар, затаился Хаббаб в углу, а Фатима, сестра Умара, взяла книгу и спрятала её. Но Умар находился уже столь близко, что успел он услышать голос Хаббаба, произносившего слова Священного Корана. И потому первый вопрос, который задал он, переступив порог, был о том, что читали они. "Ты ничего не слышал," — ответили они. И сказал он: "Да, слышал я, и говорили мне, что следуете вы за Мухаммадом в вере его". Тут бросился он на шурина своего Саида, сына Зейда. Кинулась сестра его к нему, чтобы защитить мужа своего, и тяжело была ранена в драке. И сказали тогда Умару сестра и шурина, что и вправду перешли они в ислам и что волен он поступить, как пожелает. А Умар, когда увидел он сестру свою в крови, раскаялся в том, что содеял, и попросил её, чтоб дала ему книгу, которую читали они, дабы узрел он воочию, что принёс им Мухаммад. Сам умел Умар и читать, и писать. Услышав, что требует он, выказала сестра его страх — как бы не уничтожил он книги. Умар же дал ей слово своё и идолами своими поклялся, что вернёт ей том, со вниманием прочитав его. Тогда поведала ему сестра, что он — *мушрик* (т.е. тот, кто ложных божков ставит наравне с Господом), а потому нечист, и что запрещено ему касаться Корана, ибо есть там стих, согласно которому никто, кроме чистых, притрагиваться к Священной Книге не должен. И совершил Умар омовение, а сестра его вручила ему книгу, в которой *Та Ха* была записана. Прочитал Умар часть её, и пришёл в восхищение, и выказал он благоговение перед книгою этой. Тогда Хаббаб, видя расположение его к исламу, попросил Умара принять ислам» (ИХ). Столь длинная цитата из весьма пространного повествования об обращении Умара понадобилась нам для того, чтобы послужить избавляющим от последних сомнений доказательством широкого распространения в среде верующих списков Корана ещё на заре нового вероисповедания; *Та Ха* ведь — это одно из ранних откровений, дарованных в Мекке.

Порою можно встретить следующее утверждение: такого рода истории доказывают лишь, что некоторые главы, и в самом деле, были записаны, свидетельств же того, что весь Священный Коран, всякий его стих, был зафиксирован письменно, не найти. Подобный аргумент является ложным. Ведь упоминается в приведённом рассказе 20-я глава (т.е. факт существования её в письменной форме ещё до обращения Умара) не потому, что этой именно главе придаётся особое какое-то значение, и не потому, что повествователь в ней, и только в ней, видел что-то совершенно исключительное. Делается это походя, в рассказе на совсем другую тему, так что важна для нас эта история лишь с точки зрения описания тех поступков, что стали определять повседневную практику, вошли в обыкновение у Святого Пророка и других мусульман на заре ислама. Даже если бы не было, кроме

этой истории, никаких иных свидетельств существования Корана в письменной форме, то и тогда можно было бы сделать вполне обоснованный вывод: части Священной Книги, ниспосланные к этому времени, были зафиксированы письменно, а это значит, что откровения записывались, что представляла собою такая запись нечто принятое. Сам феномен наличия 20-ой главы в письменном виде, а равно и то, каким образом и для чего использовалась рукопись в семье сестры Умара, позволяет понять, что точно так служили верующим, наряду с этой главой, и прочие. Общеизвестен был и запрет касаться священных записей руками нечистыми.

Сделанный выше вывод подтверждается также следующим сообщением: «Не дозволено было нам отправляться во вражеские края, при себе имея Коран» (Б.56:129). Слова эти демонстрируют со всей очевидностью, что число списков Корана было чрезвычайно велико, а запрещение мусульманам брать их с собою в страну врагов вызвано было опасением — как бы ни попали списки эти в руки тех, кто способен, движимые злобой, пренебрежительно с ними обойтись.

Абу Бекр собрал рукописи Корана, созданные под руководством Пророка.

Обстоятельства, которые сопутствовали собиранию Священного Корана во времена Абу Бекра, тоже свидетельствуют о том, что каждый стих откровения записан был в присутствии Святого Пророка. Так, узнаём мы о существовании двух стихов, которые — несмотря на то, что известно было Зейду о их принадлежности к Корану, — не включались в текст Священной Книги до тех пор, пока запись их не была обнаружена у одного из сподвижников Пророка. «Так что искал я повсюду Коран, (...) пока не нашёл у Абу Хузеймы, одного из *ансаров*, заключительной части главы, носящей название "Отречение"» (Б.66:3). В толковании своём этого сообщения (мы привели здесь лишь часть его) знаменитый комментатор «Бухари», автор «*Фатх аль-Бари*», утверждает следующее: «Абу Бекр не велел записывать чего-либо (т.е. ни одного какого-нибудь стиха), что не было уже записано (имеется в виду — при жизни Святого Пророка), и потому-то колебался Зейд, не решаясь облечь в письменную форму фрагмент, завершающий главу *Бараат* ("Отречение"), откуда не нашёл он записи этих строк — хотя и ему, и тем, кто рядом с ним упомянуты, известны были они». И немного далее: «И весь Коран существовал в форме рукописной, но были эти рукописи рассеяны, а Абу Бекр собрал их в один том» (ФБ., т. ix, стр. 10). Упоминаются также слова Ибн Аби Давуда, сообщившего следующее: «Умар объявил публично (когда собрание Корана взял в свои руки Абу Бекр), что всякому, кто обладает каким-либо фрагментом Корана, полученным непосредственно от Посланца Аллаха (да будет с ним мир и благословение Аллаха!), надлежит этот фрагмент представить; а записывали их обычно на бумаге, или на дощечках, или на черенках пальмовых, от которых листья были оторваны. И не принималось ничего от кого бы то ни было, пока двое свидетелей свидетельств не приносили»; к этому добавляется: «И отсюда следует, что Зейд не считал факт записи стиха достаточным, если не свидетельствовал вдобавок кто-либо, что слышал этот стих непосредственно из уст Святого Пророка, — хотя бы даже и помнил Зейд этот стих самолично. Поступал он так для большей предосторожности» (ФБ., т. ix, стр. 12). Существует также сообщение, упоминаемое Зухри, согласно которому «Посланец Аллаха скончался, когда записывали Коран на черенках пальмовых, от которых листья были оторваны, и на кожах» (Н. под *асб*). Приведя некоторые сведения такого рода, комментатор добавляет: «Говорили они все об одном: следовало копии делать лишь с записанного в присутствии Пророка, но не создавать списков по сохранившемуся лишь в памяти» (ФБ, т. ix, стр. 12). Все эти сообщения не могут не привести к совершенно определённом выводу: каждый стих, каждая глава Священного Корана записаны были под руководством Святого Пророка и в его присутствии.

2. ВСЕ, ЧТО БЫЛО ЯВЛЕНО В ОТКРОВЕНИИ, ЗАПЕЧАТЛЕВАЛОСЬ В ПАМЯТИ.

Память арабов — надёжнейшее хранилище.

В кладовой памяти всякая часть Корана обретала своё место немедленно вслед за ниспосланием. У арабов память — это хранилище самое надёжное. Собственно, сами они на память свою полагались настолько, что с гордостью носили прозвание *уммис* (словом этим обозначают людей, которые не умеют ни читать, ни писать; соответственно, память выполняет у них те же функции, что у грамотных —

фиксация в форме письменной). Все свои поэмы, все длинные свои родословные знали они наизусть. У нас есть целый ряд свидетельств тех, кто сообщает, что всякий раз, как ниспосылался какой-нибудь фрагмент Священной Книги, Святой Пророк произносил нисшедшие стихи вслух для окружающих; многие из последователей его запоминали их наизусть немедля, другие же заучивали позже, со слов услышавших непосредственно из уст Пророка. Важность, которую представлял Коран для сподвижников Пророка, невозможно объяснить тем лишь, что они видели в нём свод законов — законов нравственности и законов общества; совершенно недостаточным было для них знание одной только общей сути. Верили они в Божественное происхождение всякого слова, всякой буквы Священной Книги, и потому в любом из этих слов видели небесное сокровище, доставшееся им на земле; так что хранили они его в сокровеннейшем месте — в сердце своём. Ради него они готовы были подвергаться каким угодно гонениям, отвергать друзей, отказываться от родных, терять имущество, лишаться места своего у домашнего очага. Всякий новый стих, явленный в откровении, вдыхал в них новую жизнь. Поэтому делали они всё возможное, лишь бы ни одно ниспослание не ускользнуло от их внимания, не прошло мимо. Те из них, кто занимались торговлей или каким-нибудь ремеслом, часть дня проводили за делами своими, другую же — вместе с Пророком Святым. Жившие вдалеке от мечети ходили к Пророку по очереди. Так, Умар рассказывает: «Когда ходил к Святому Пророку я, то, возвратившись, приносил я ему (своему соседу) новости этого дня относительно откровения и прочего, когда же ходил он, то он приносил новости мне» (Б.3:27). Были также и *Ашаб ал-Суффах*, которые в мечети проводили всё своё время; ни на миг не оставляла их готовность на память заучить любое новое откровение, возвещённое устами Святого Пророка.

Особое значение, придававшееся Святым Пророком изучению и преподаванию Корана.

Сам Святой Пророк величайшее внимание уделял изучению, чтению вслух и преподаванию Священного Корана. Согласно рассказу одного из современников, как-то раз «вышел Святой Пророк, а мы были в *суффах* (пристройке) мечети, и спросил он: "Кто бы из вас желал каждый день ходить в Батха или в Акик и приводить двух верблюдиц с большими горбами на спинах, не причиняя при этом зла ни чужому кому-нибудь, ни родственнику?" Мы отвечали: "О Посланец Аллаха, все бы мы желали такого". А он сказал тогда: "Разве ни один из вас не приходит утром в мечеть и не обучает двум стихам из Книги Аллаха или не повторяет их, что лучше для него, чем две верблюдицы? А три стиха лучше, чем три верблюдицы, четыре стиха лучше, чем четыре верблюдицы; и далее так — любое число стихов лучше того же числа верблюдиц" (Мс.6, Фадаил ал-Куран, 7). Усман сообщает: «Святой Пророк сказал: "Лучший из вас — тот, кто изучил Коран и обучает ему"». Рассказывают также и такое: «По словам Айши, говорил Святой Пророк: "Искусные в чтении вслух Святого Корана не уступают писцам, кои почтенны и добродетельны; а тому, кто упорствует в чтении Корана, ибо не даётся ему это чтение, такому — награда двойная"» (Мс.6, Фадаил ал-Куран, 4). Узнаём мы от Ибн Умара, что сказал Посланец Аллаха: «Никто из людей не должен вызывать зависть, кроме лишь разве двоих: один из них — тот, кому Аллах даровал Коран, и он читает его вслух денно и ночью и деяния по учению его совершает, другой же — тот, кому Аллах даровал богатство, и он тратит его денно и ночью на пути Аллаха» (Б. 95:5). Потому-то сподвижники Пророка не только действовали согласно Корану, но и вслух его читали. Факт этот специально упоминается в рассказе об Абу Бекре, который громко читал Священный Коран во дворе дома своего, расположенного на оживлённой улице; это вызывало протесты у тех, кто не веровал, ибо, как утверждали они, Абу Бекр влиял таким образом на сознание окружающих, убеждением действуя в пользу Корана. (Б.39:4).

В собраниях известий о былом содержится немало повествований (их подлинность не вызывает сомнений), из которых можно заключить, что чтение вслух Священного Корана было важной обязанностью, лежавшей на всяком из мусульман. Одна из глав «Бухари» носит название «Глава о *истидахкар* Корана и о его *та ахуд*» (Б.66:23), т.е. о «частом чтении Корана и об обращении к нему всё вновь и вновь». Во всех рассказах, что приводятся в этой главе, речь идёт о предписании часто читать Священный Коран вслух. Другая глава знаменитого этого собрания называется «Обучение детей Корану» (Б.66:25); можно вспомнить ещё одну, название которой — «Превосходнейший из людей — это тот, кто изучает Коран и обучает ему» (Б. 66:21); здесь же приходит на память и та, что носит название «Чтение Корана

вслух по памяти» (Б. 66:22). Краткости ради, я привожу лишь названия глав; их достаточно, чтобы продемонстрировать, что запоминание Корана предписывал Святой Пророк всем последователям своим и что сподвижники его считали это долгом, выполнение которого являлось значительной заслугой перед религией. Соответственно, необходимо было каждому из них носить в памяти хотя бы какие-то части Священной Книги. Ведь если даже сейчас в любой мусульманской стране можно встретить тысячи людей, способных весь Коран повторить по памяти, то что же говорить об Аравии, в которой существовали своеобразные условия, в значительной мере благоприятствовавшие выполнению этой задачи. Признаёт это даже враждебно настроенный критик: «Страстные любители поэзии, не имеющие возможности записать творения своих певцов, арабы издавна взяли за обыкновение запечатлеть их — так же, как и предания о событиях в жизни родов и племён, — в сердцах своих, которые уподобить можно живой памятной книжке. Способность запоминать была, таким образом, развита до степени наивысшей; и применили её, со всем жаром пробудившегося духа, к Корану» (Мюир).

Тот, кто лучше других знал Коран, имел право на титул имама.

Были и иные причины у сподвижников Пророка соперничать друг с другом в запоминании Книги Святой. Функции, выполняемые *имамом*, т.е. предстояние на общественной молитве, выполнялись, как правило, человеком, который лучше других знал Священный Коран (Тр.2:61). Утверждается это во всех подлинных источниках. Из одного из них можно узнать, что в некоем племени молитвами руководил мальчик восьми лет от роду, ибо помнил он больше стихов Корана, чем любой другой член этого племени. Вот как рассказывает свою историю сам этот мальчик, Амр ибн Саламах: «Мы (т.е. племя, к которому принадлежал рассказчик) расположились в месте, находившемся неподалёку от воды, и шли мимо нас люди, направлявшиеся к Святому Пророку. На обратном своём пути повторяли они нам откровения, что слышали от Святого Пророка. У меня была хорошая память, и вот, находясь там, запомнил я со слов возвращавшихся немалую часть Священного Корана. Через какое-то время мой отец тоже пошёл к Святому Пророку, а вместе с ним — ещё несколько человек из его же племени; отправились они, дабы возвестить решение своё принять ислам. Обучил их Святой Пророк молитвам, и сказал он им, что руководить молением должен тот, кто больше других знает из Корана. А из-за такого условия выбор должен был пасть на меня, и причина того — всё, уже хранимое мною в памяти. Вот и сделали меня *имамом*» (Мш. 4:26). Почёт, которым был окружён тот, кто выполнял функции *имама*, являлся действенным стимулом к дальнейшему совершенствованию в области знания Корана. С такою же точно ситуацией встречаемся мы и тогда, когда речь заходит о решении какого-либо племени принять ислам; лицом, избравшимся для того, чтобы, по прибытии к людям этого племени, обучать их доктринам и принципам новой их веры, был считавшийся наиболее сведущим в Коране. Существует множество сообщений о том, что чтецы Корана пользовались среди сподвижников Пророка величайшим уважением и почитанием.

Сам Пророк часто повторял Коран наизусть.

Таковы были причины того, что многие соратники Святого Пророка запечатлели слова Корана на скрижалях своих сердец. Сам Святой Пророк подавал тут пример, часто читая наизусть текст Священной Книги — как в присутствии других, так и в уединении. Большие фрагменты Священного Корана произносились не только при совершении молитв. Из разных источников узнаём мы, например, и про то, что Пророк вслух повторял слова Корана, путь совершая верхом на верблюде (Б.66:24). Нравилось также слушать ему, как читают Священное слово другие. Известно нам о таком рассказе одного из сподвижников Пророка: «Посланец Аллаха сказал мне: "Читай мне Коран". Я ответил: "Тебе ли читать я буду, когда тебе был он ниспослан?" Он сказал: "Я люблю слушать, как другие читают его". Тогда стал читать я вслух главу под названием "Женщины"» (Б. 66:33).

Такого рода истории свидетельствуют о том, что Святой Пророк собственным примером побуждал соратников своих вслух повторять текст Священного Корана. И не остались втуне старания его. Словно величайшее из сокровищ сохраняли мусульмане Слово Божие в сердцах своих; чтение Священной Книги и обучение ей распространились повсеместно. В самом деле, настолько широко было распространение это, что как-то раз, когда завёл Святой Пророк речь о том, что

исчезнет когда-нибудь в будущем знание Корана, Зийад, сын Лабида, воскликнул немедленно: «Как может исчезнуть это знание, о Посланец Аллаха, когда мы читаем Коран и обучаем ему женщин наших и детей?!» (Тр.39:5). Вызван был такой вопрос неверным пониманием изречённого Святым Пророком, который имел в виду не исчезновение слов Священного Корана, но поведение людей, не соответствующее духу этих слов.

Введение ограничений на чтение Корана вслух.

Стремление удержать Священную Книгу в памяти и постоянно читать её наизусть было, собственно говоря, настолько велико, что пришлось Святому Пророку ввести определённые ограничения относительно числа дней, которое должно соответствовать прочтению полного текста Корана. Согласно одному хадису, Пророк, отвечая на вопрос о том, сколько времени должно занимать чтение всего Корана, определил этот период в тридцать дней (Б.66:34). Деление Корана на тридцать частей основано, по-видимому, на этом именно указании. В том же хадисе далее повествуется, что наикратчайший срок был установлен равным семи дням. Утверждают, что одному из сподвижников своих, успевавшему каждую ночь вслух прочитывать текст Корана с начала до конца, велел Пророк на каждое такое прочтение отводить не менее семи дней; делать же это за одну лишь ночь было ему запрещено (Б.66:34). Собственно говоря, ведь именно Пророком самим был разделён весь Святой Коран на семь *манзилей* (ФБ., т. ix, стр. 39), что на практике предполагает запрет завершать чтение Корана меньше, чем за семь суток. По словам Ибн Масуда, сказал Святой Пророк: «Читайте Коран за семь дней и не читайте его за срок, что короче трёх дней» (ФБ., т. ix, стр. 83). В другом месте сообщается, что, по словам Айши, «Святой Пророк обычно не оканчивал чтения Корана быстрее, чем за три дня» (ФБ., т. ix, стр. 83). Все эти сведения с полной определенностью свидетельствуют о том, что соратники Святого Пророка соперничали друг с другом в области частого произнесения текста Корана. Собственно, настолько распространенным стало чтение Корана вслух, что пришлось прибегнуть к мерам запретительного характера с целью прекратить чрезмерно быстрое проговаривание слов Священной Книги. Вытекает, со всей очевидностью, из этих сообщений также и следующее: многие из сподвижников Пророка помнили наизусть весь Коран целиком — иначе речь не могла бы идти о завершении чтения его за тот или иной промежуток времени. Произнесение же текста Священной Книги именно по памяти явствует из того, что имело место это чтение вслух по ночам.

О тех, кто знали весь Коран наизусть.

Подтверждение этих выводов можно найти во многих заслуживающих доверия сообщениях, согласно которым было среди соратников Пророка немало таких, кто весь Коран могли рассказать наизусть. Называли этих людей *курра* (множественное число от *кари*), т.е. «чтецами»; о них известно, что весь Коран запечатлели они в памяти своей. Согласно объяснению, которое содержится в ФБ, слово *курра* значит «люди, славные тем, что помнят они Коран наизусть и других ему обучают». Конечно, словом этим также обозначают обладающих глубоким знанием Корана. Семьдесят *курра* были вероломно убиты в Бир Маунах племенем неверных (Б. 64:30). Столь значительное число их, умерщвлённых ещё при жизни Святого Пророка, показывает, что меж соратниками его таких, как они, были сотни. В главе под названием «*Курра* среди сподвижников Святого Пророка» рассказано в «Бухари» несколько историй. В первой из них повествуется, что Абд Аллах, сын Амра (который, как нам уже известно, весь Коран помнил наизусть), заметил как-то в беседе об Абд Аллахе ибн Масуде: «Всегда я буду любить его, ибо слышал, как сказал Святой Пророк: "Изучайте Коран у четверых, у Абд Аллаха ибн Масуда, у Салима, у Муадха и у Убайи ибн Каба"». Разумеется, это не означало, что все остальные сподвижники Пророка не были способны обучать Священному Корану; не следует понимать эти слова и так, будто никто из соратников Пророка, кроме названных четверых, не помнил текста Корана полностью. Собственно говоря, ведь для того, чтобы быть хорошим учителем Корана, одного лишь умения читать Священную Книгу наизусть было недостаточно. Совершенно необходимым было тут глубокое понимание Корана — равно как и серьёзное знание его. Судя по всему, четыре имени были избраны, поскольку обладатели их постоянно стремились к тому, чтобы каждое новое откровение узнавать непосредственно от Святого Пророка. Об одном из них, об Абд Аллахе ибн Масуде, сообщают, что сам говорил он порою, будто более семидесяти глав Священной Книги слышал непосредственно из уст Святого Пророка

(Б.44:8). Из иных свидетельств мы узнаём, что много было и других у Пророка сподвижников, которые весь текст Корана смогли бы рассказать наизусть.

Абу Бекр, например, чьё имя в приведённом высказывании Пророка не упоминается, на память знал Коран целиком; это установленный факт. Абу Бекра, а не иного кого-нибудь, назначил Святой Пророк на смертном одре своим руководителем коллективной молитвы. Как отмечали мы выше, в достоверных источниках специально указывается, что тот, кого ставили руководить молитвами, всегда являлся человеком, в области знания Корана не уступавшим никому. Если же случалось так, что одинаково хорошо знали Коран несколько человек (например, когда все они полный текст помнили наизусть), то применялись и другие испытания. Напомним теперь, что имелись, вне всякого сомнения, среди соратников Пророка люди, которые могли полный текст Корана рассказать по памяти. И потому Абу Бекр, если бы не знал он всей Священной Книги наизусть, никак не мог бы быть назначен предстоятелем на молитве. Отсюда следует, что и Абу Бекр тоже мог целиком прочитать Коран, полагаясь лишь на свою память. Точно так же и Абд Аллах ибн Умар в памяти своей хранил весь Коран; каждую ночь читал он его до конца наизусть, покуда не распорядился Пророк, чтобы каждое такое прочтение текста Священной Книги длилось не меньше месяца (Б.30:38). В сущности, многие современники Святого Пророка, как известно нам из сохранившихся сведений, все стихи Корана могли произнести по памяти; были среди них четыре халифа (Абу Бекр, Умар, Усман и Али), были достопочтенные сподвижники Пророка (Талхак, Сад, Ибн Масуд, Салим, Абу Хурайрах и др.), были и женщины, чьи имена — Айша, Хафса и Умм Салама. Некоторые *ансары*, как сообщается, тоже знали весь текст Священной Книги наизусть. Не надо, впрочем, думать, что лишь те, чьи имена дошли до наших времен, были чтецами Корана. Семьдесят *курра* пали жертвами вероломства ещё при жизни Святого Пророка, и такое же примерно число погибло в битве при Ямаме через несколько месяцев после его смерти.

Чтение Корана вслух было обязательным элементом как коллективной, так и индивидуальной молитвы.

Произносить стихи Корана наизусть, заучивать слова его на память — всё это не было чем-то необязательным, свободно принимаемым или же отвергаемым по собственной воле; Коран был существеннейшей частью молитв — как коллективных, так и индивидуальных. Пять раз в день следовало мусульманам участвовать в молениях коллективных, дополнительным элементом каждого из которых была так называемая «сунна», имеющая характер индивидуальный; чисто индивидуальными были и те молитвы, что творились верующими в поздние ночные часы. Совершая любую из молитв, должен был мусульманин вслух читать фрагменты Корана; таким образом, всякий, чьей религией был ислам, по нескольку раз в день обязан был повторять слова Священной Книги. Отметим тут, что — как установлено со всей несомненностью — те части Корана, которые включались в молитвы, были весьма велики; в особенности относится это к молитвам, возносимым глубокой ночью. О самом Святом Пророке рассказывают, что часто читал он наизусть длинные главы начала Корана во время своих молитв *тахаджуд*. Примеру этому следовали и соратники его. Так, об одном из них повествуют, что в молитвах *тахаджуд* произносил он целиком вторую главу Корана, — а это ведь двенадцатая часть текста всей Священной Книги. Даже для молений коллективных использовались длинные главы. Наименее подходящими для этого были молитвы, что воссылались вечерами, — но и тут случалось Святому Пророку произносить такую, к примеру, главу, как «Тур», 52-ю по счету (Б. 10:99). Один из сподвижников с наступлением сумерек принимался в молитвах своих за повторение главы второй, так что вынужден был некто, истомлённый трудами дневными, даже пожаловаться как-то раз на него (Б.10:60). Длинные главы произносили соратники Пророка и во время личных своих молитв. И, значит, не хранить попросту в памяти должны были они весь текст Корана или какие-то фрагменты его; та часть Священной Книги, которую удерживали они в сознании своём, не могла стать добычей забвения, ибо постоянно оживала при регулярном повторении молитв. Существует хадис, рассказывающий, как одна из глав Корана, «Каф», была выучена неким сподвижником Пророка наизусть благодаря тому, что часто повторяли её в мечети, когда собирались там по пятницам верующие, чтобы молиться (Мс.7:13). В сущности, если бы даже не существовало других средств общеизвестным сделать Коран, одного лишь чтения стихов его наизусть во время молитв было бы достаточно; это столь распространило знание Священной Книги, что стало оно надёжнейшей защитой от

возможности какого-либо искажения текста или же утраты части его.

Имеется один лишь хадис, который свидетельствует нечто противоположное тому, что утверждается во всех хадисах, упомянутых выше. Вот о чём повествует он: «Сообщает Анас, что никто до смерти Святого Пророка не собирал Коран, кроме лишь четверых: это Абу Дарда, и Муадх ибн Джабал, и Зейд ибн Сабит, и Абу Саид» (Б.66:8). В другом месте тот же источник — когда затрагивается аналогичная тема — не приводит имени Абу Дарда, но упоминает Убайи. Речь в данном хадисе ведётся, конечно, не о заучивании Корана наизусть, но о собирании списков его текста. Слово *джам* («собрание»), вне всякого сомнения, употребляется в хадисах в обоих смыслах: означает оно, в зависимости от контекста, и собирание рукописей Корана, и сведение его воедино в кладовых памяти. Это последнее понимание в данном случае релевантным, конечно, не является; наверняка ведь известно, что всю Священную Книгу знали наизусть очень многие соратники Пророка. В то же время, совершенно невозможно отвергнуть первое из толкований на следующем лишь основании: если, и вправду, списки Корана четырьмя упомянутыми выше лицами уже были собраны, то почему же Абу Бекр и Умар придавали столь большое значение поиску их (после того, как пали в битве при Ямаме многие из тех, кого называли *курра*) и почему Зейд счёл чрезвычайно трудным поручение, для выполнения которого избран был он (следовало ему соединить в одном томе разрозненные, рассеянные записи стихов Святого Корана)? Дело тут в том, что Зейд вёл поиск лишь тех рукописей, которые появились на свет в присутствии самого Святого Пророка и под его непосредственным руководством.

Даже если бы вздумалось нам принять — чисто гипотетически! — точку зрения, согласно которой реально существуют определённые разногласия меж теми сообщениями, что приведены были выше, всё равно никаких сомнений не мог бы вызвать следующий вывод (а сделать его легко из любого из этих сообщений): среди сподвижников Пророка были люди, сохранявшие в памяти всю Священную Книгу именно такую, какой поведана она была Святым Пророком, так что к моменту его кончины текст Корана целиком и полностью уже был запечатлён на скрижалях их сердец. Делалось всё это в полном соответствии с распоряжениями Пророка, который колоссальное значение придавал чтению Корана вслух и запоминанию его. Эти меры (а прибежали к ним для того, чтобы сберечь текст Священной Книги в целостности и сохранности) принимались в дополнение к записи слов Корана. Необходимо здесь также добавить следующее: значительно облегчалось запоминание Корана тем, что ниспосылался текст его постепенно. Период, разделявший дарование в откровении двух стихов или же двух каких-либо глав, позволял сподвижникам Пророка повторять строки Священной Книги столь часто, сколь сами они этого желали. Ниспослание всего полностью Корана заняло долгий срок в двадцать три года; так что если даже сейчас могут десяти-двенадцатилетние мальчишки-мусульмане выучить целиком его текст за год или два, то уж современники Пророка, арабы, обладавшие великолепной памятью и важность Священной Книги ощущавшие куда более остро, чем любой из исповедовавших ислам на протяжении последующих столетий, без особого труда могли, конечно, запомнить Коран за длительный двадцатитрёхлетний срок, — особенно если учесть, что постепенным было низведение его.

3. КОМПОЗИЦИЯ СТИХОВ И ГЛАВ ОПРЕДЕЛЕНА БЫЛА САМИМ ПРОРОКОМ

Часть за частью являлся Коран в откровениях, и длилось это долгие двадцать три года; некоторые главы дарованы были целиком, другие же нисходили в виде фрагментов, и ниспослание их занимало немало времени. Отметим тут же, что порядок, в котором сменяют друг друга стихи и главы Священной Книги (какой порядок знают её мусульмане в наши дни), не соответствует той очередности, в коей нисходили они в откровениях. Соответственно, чрезвычайно важную представляет для нас следующий вопрос: сам ли Святой Пророк определил композицию стихов и глав Корана, изменив при этом последовательность ниспослания, и — если это так — является ли знакомая нам сегодня архитектура Священной Книги творением Пророка? Другими словами, соответствует ли (в том, что касается специфики расположения стихов и глав) современный облик Корана форме, которую придавал ему Пророк? Нету ли меж ними каких-либо различий?

Что гласит относительно своей композиции сам Коран.

В самой Священной Книге указано, что порядок стихов её и глав определён был Святым Пророком по воле, явленной ему в Божественном откровении. Там читаем мы: «Поистине, на Нас (лежит) собирание его и чтение его. Потому, когда Мы прочитаем его, следуй за его прочтением» (75:17,18). Эти строки относятся к ниспосланиям наиболее ранним; со всей очевидностью явствует из них, что собирание Священного Корана, т.е. как сведение его в единое целое, так и расположение в определенном порядке частей его текста, должно было, по Божественному замыслу, осуществляться согласно воле Господней. Следовательно, строй Корана и состав, собрание его были явлены в откровении Божьем — и потому обладают происхождением тем же, что и любой стих, прочитанный Святому Пророку при ниспослании. В главе, что дарована была чуть позже цитированной выше, читаем: «И те, кто не веруют, говорят: "Почему не был Коран ниспослан ему весь сразу?" Так это, чтобы Мы могли утвердить сердце твоё им — и Мы сложили его в добром порядке при складывании» (25:32). Таким образом, в самом Коране ясно указано, что руководимы были собиравшие и складывавшие его воедино Божественным откровением. Следует помнить, что слово *джам*, которое встречаем мы в приведённом выше стихе, означает не только «собрание», но и «складывание в определённом порядке», ибо не существует никакого собрания, покуда не сложено, не упорядочено оно. В цитированных строках как складывание, так и собирание описываются в качестве процессов существенно отличных от ниспослания того или иного стиха Святому Пророку; из этого надо сделать следующий вывод: предполагалось с самого начала, что стихи и главы Священного Корана не должны быть расположены в том же порядке, в каком нисходили они. Если бы в собрании следовали они друг за другом в порядке, соответствующем тому, в котором читались стих за стихом Святому Пророку, т.е. в порядке дарования их в откровении, то собирание и чтение это не описывались бы как явления совершенно различные.

Что гласит относительно композиции Корана история.

Существуют весьма многочисленные исторические свидетельства, удостоверяющие истинность приведённого выше утверждения, что содержится в Священной Книге; имеются совершенно неоспоримые доказательства (почерпнуть их можно из источников, подлинность и надёжность которых сомнений не вызывают) того, что к моменту смерти Святого Пророка текст Корана — т.е. его состав и порядок расположения стихов и глав — ничем не отличался от арабского текста Священной Книги в любом современном издании. Мы рассмотрим очерёдность стихов (с одной стороны) и глав (с другой) по отдельности, причём как в первом, так и во втором случае обсудить нам придётся следующие вопросы:

Существовал ли некий композиционный строй, который был принят как самим Святым Пророком, так и — при жизни его — сподвижниками Пророка?

Соответствовал ли этот строй тому порядку, в котором ниспосылались стихи разных глав?

Отличается ли нынешняя композиция Корана от той, что принята была Святым Пророком или что в годы жизни его существовала?

Нелепо было бы предполагать, что такая большая книга, трактующая о предметах столь многих и столь различных, могла бы быть выучена и регулярно читалась бы наизусть (в частности, во время молитв), если бы не имелось определённого какого-либо порядка, в котором следуют друг за другом её части. И в то же время — нет ни одного, пожалуй, христианского критика ислама, который бы такого предположения не высказал. Основания у всех заявлений этого рода всегда одни и те же. Свидетельства истории игнорируются полностью, и фундаментом, на котором зиждутся такие высказывания, является исключительно голословное утверждение невозможности обнаружить какую-либо систему в расположении стихов и глав. Приведём здесь один краткий абзац из «Жизни Мухаммада» Мюира: он показателен не только как содержащий весьма типичные для критиков-христиан заявления; определённый интерес этот фрагмент представляет и потому, что демонстрирует, каким образом самому его автору удалось обойти то, о чём свидетельствует история:

«Мы, впрочем, далеки от предположения, согласно которому Коран целиком повторялся в те времена в чётко установленном каком-нибудь

порядке. Согласно утверждению мусульман, та компиляция, что существует на сегодняшний день, следует расположению частей, предрешённому Мухаммадом; *и может даже показаться, что ранняя традиция предполагает наличие своего рода общеизвестной последовательности* (курсив мой — М. А.). Но признать это представление соответствующим действительности мы не можем; ибо если какой-нибудь чёткий порядок соблюдался бы или был бы санкционирован Пророком, то его, вне всякого сомнения, сохранили бы для составленного впоследствии собрания. Коран же, в том виде, в каком дошёл он до наших дней, не соответствует — если говорить о том, как взаиморасположены разные его части, — сколь-либо понятному организационному принципу (тематическому или хронологическому); и не представляется вероятным, чтобы в этом именно порядке повелел произносить его текст Мухаммад. Сомневаться приходится нам даже в соответствии числа сур (т.е. глав), определённого Мухаммадом, тому, что признаётся ныне. Во всяком случае, последовательность, в которой представлены содержания некоторых сур, не может, в большей части случаев, являться именно той, что предполагалась Пророком».

Кое-какие из сносок под этим абзацем свидетельствуют наглядно о борьбе, которую вели в сознании автора исторические факты с религиозной предубежденностью. Так, отвергая в целом мысль о том, что существовал во дни жизни Святого Пророка какой-то упорядоченный строй в тексте Корана, Мюир, тем не менее, вынужден допустить следующее: «Мы читаем о некоторых соратниках Пророка, которые весь Коран целиком могли повторить за определённый промежуток времени; это, возможно, говорит о наличии какой-то традиционной принятой связи между частями». В другом подстрочном примечании исследователь признаёт, что были такие четыре или пять человек, которые «со скрупулёзной точностью» могли повторить Коран полностью, тогда как «несколько других могли рассказать всё очень близко к тексту, и это — ещё до кончины Мухаммада». Так же точно, отрицая даже то, что число сур было определено Святым Пророком, Мюир добавляет следующую сноску:

«Но существуют основания полагать, что основные суры, включающие все те фрагменты, которые произносили наиболее часто, обладали порядком строго фиксированным и известны были под какими-то названиями или опознавались по другим отличительным чертам. О некоторых говорят (и тут я ссылаюсь на традицию раннюю и совершенно достоверную), что так обозначил их сам Мухаммад. Так, своих соратников, бежавших было во время разгрома в битве при Хонейне, он призвал назад криком: «*Мужи суры "Бакр"!*» (т.е. суры ii)».

«Традиционно считается, что несколько человек выучили наизусть *некоторое количество сур* ещё при жизни Мухаммада. Так, "Абдулла бин Масуд выучил семьдесят сур, услышанных им из уст самого Пророка; и на смертном своём одре Мухаммад повторил семьдесят сур, среди которых было семь длинных". Означают этого рода традиционные представления, что по меньшей мере какая-то часть откровения была разделена на суры (причём являлось такое деление общепризнанным); возможно, верным здесь было бы даже заключение, согласно которому и сами эти суры повторялись в некоем принятом порядке».

«Использование Мухаммадом сур в процессе богослужения должно было, вне всякого сомнения, способствовать тому, чтобы форма их в определённой степени фиксировалась и чтобы устоялась, в какой-то мере, их очерёдность».

По тому же поводу говорится в другом примечании, что «упомянутые выше традиционные представления о том, сколько сур могли повторить наизусть некоторые из сподвижников Пророка и сколько повторил сам Мухаммад на смертном одре, предполагают также существование этих сур в форме завершённой и полной».

Таким образом, почти каждое замечание, что встречается в абзаце, цитированном ранее, вступает в противоречие с приводящимися в сносках заключениями, которые основаны на исторических фактах, почерпнутых из сообщений абсолютно достоверных. Хотя и сформулировано всё, сказанное в подстрочных примечаниях,

весьма осторожно и сдержанно, противоречия, тем не менее, слишком очевидны, чтобы внимательный читатель не обратил на них внимания; в сознании автора происходит борьба, природу которой понять нетрудно. В основном тексте утверждается, что отсутствует какой-либо порядок или композиционная логика в расположении стихов и глав Священного Корана, тогда как в сносках приводятся исторические доказательства наличия архитектурной связи такого рода. Текст голословно утверждает, что суры даже не были со сколь-нибудь значительной степенью точности обозначены Святым Пророком и что не установил он числа их, а упомянутые в примечаниях исторические факты свидетельствуют о том, что признанное всеми деление на главы существовало и что форма всякой главы была чётко определена. Использование автором сочетаний слов типа «какая-то часть» или «в определённой степени» тут совершенно понятно — не может же он принять эти в сносках приводимые свидетельства безоговорочно после всех необоснованных заявлений, которые сделаны были в основном тексте. Легко прийти к выводу: если «семьдесят сур, среди которых были семь длинных» существовали «в форме завершённой и полной» (как признаётся это в примечании) — причём нету никаких доказательств того, что остальные сорок четыре суры (короткие и, вне всякого сомнения, включавшиеся обычно в молитвы) не обладали такую же точно формой, — то следует допустить наличие этих «завершённости и полноты» применительно ко всем сурам. Ещё более очевидным станет этот вывод, если принять во внимание следующее: автор исследуемого текста сам признал, что было у Пророка несколько сподвижников, которые могли наизусть повторить не только семьдесят сур, но весь Коран целиком — причём способны они были проделать это «со скрупулёзной точностью».

Если бы не был общеизвестен порядок стихов, невозможно бы было запомнить Коран наизусть.

Настолько нелепым — даже на первый взгляд! — представляется заявление, согласно которому отсутствовал какой-либо определённый порядок расположения отдельных стихов, ниспосланных в разное время, что и возражения оно едва ли заслуживает. Да как же возможно было бы заучить Священную Книгу на память, если бы не была установлена очерёдность, в которой следует эти стихи читать? Какая последовательность принята была в разных списках? Неужели композиция текста в каждой из сделанных на заре ислама записей Корана была совершенно своеобразной, не встречающейся ни в одной другой копии? И, таким образом, всякий, кто знал хоть какой-нибудь фрагмент Священной Книги — а какую-то часть её помнил любой из сподвижников Пророка, — придерживался порядка, никем более не принятого? Свидетельствует ли что-либо в пользу утверждений такого рода? Означают ли они, что каждый из тех, кто вслух произносил Коран, тоже читал его стихи в очерёдности, ни у кого более не встречающейся? И как, в таком случае, поступали руководившие коллективной молитвой? Какую последовательность выбирали они? Да возможно ли это, чтобы книга, которую множество верующих заучивало наизусть, которую тысячи людей регулярно читали вслух, существовала в форме столь хаотической?

Даже если бы не было никаких иных доказательств того, что расположены стихи, из которых состоят главы Священной Книги, в порядке однозначно определённом, сам факт запоминания Корана сподвижниками Пророка послужил бы свидетельством вполне достаточным, чтобы сделать подобный вывод. Многие главы Корана состоят более чем из ста стихов, и никто — если бы не были эти стихи подчинены принципу строгой упорядоченности — не смог бы целиком заучить любую такую главу наизусть. Достаточно взять все возможные комбинации хотя бы лишь сотни стихов — и мы убедимся, что из ста тысяч людей не нашлось бы и двоих, могущих прийти к одной и той же последовательности. Не существовало бы тогда одного-единственного Корана, которому учились бы друг у друга сподвижники Пророка, но был бы у каждого свой собственный Коран, и никто бы не был уверен в правильности того, что читает его собрат. Более того, из источников, достоверность которых никаких сомнений не вызывает, мы узнаём, что, если кто-либо делал ошибку или пропускал какой-нибудь стих, произнося по памяти во время молитвы строки Священной Книги, то тот или иной из слушавших поправлял его или забытый стих ему напоминал. Понятно, что было бы это совершенно невозможно, если бы не был всеми принят один и тот же строй всякой главы. Собственно говоря, в случае отсутствия некой заданной композиции нельзя было бы вообще выучить наизусть весь Коран или какую-либо его часть.

Соблюдать хронологический порядок было невозможно.

Все такого рода соображения не могут не привести к выводу о том, что какой-то порядок расположения стихов, вне всякого сомнения, соблюдался. Был ли это порядок, в котором нисходили разные части откровения? Согласно свидетельству истории, стихи были расположены Святым Пророком по принципу не хронологическому, но тематическому. Многие главы, безусловно, были явлены целиком, но другие, особенно длинные, ниспосылались по частям. За стихами одной главы следующими по времени оказывались стихи другой, и потому разместить их в хронологическом порядке внутри глав было невозможно. Из ряда сообщений, подлинность которых несомненна, можно получить совершенно определённые сведения относительно того, как Пророк поступал в подобных случаях. Усман — в том тексте, что цитировался выше, — рассказывает следующее: «В обычае было у Посланца Аллаха, когда нисходили части разных глав, вызывать — при ниспослании всякого стиха — кого-нибудь из писцов и говорить ему: "Впиши эти стихи в главу, туда, где есть такие-то и такие-то стихи"». Отсюда явствует, что место каждого стиха и соответствующую главу Святой Пророк указывал сам. Ни один разумный человек, которому известно о свидетельстве столь неопровержимом, не станет оспаривать того, что композиция стихов в любой из глав определена была самим Святым Пророком, причём, как утверждает Священный Коран, проделано это было согласно воле, открытой в ниспослании Господнем; и не соответствовала очерёдность стихов тому порядку, в котором нисходили они.

Никаких изменений не было внесено ни Усманом, ни кем-либо иным.

Если расположены были стихи не в том порядке, в каком являлись они в откровении, то сам собою напрашивается следующий вопрос: отличалось ли это расположение от принятого ныне во всём мусульманском мире? Ответ тут надо дать отрицательный. Последовательность стихов в том варианте Корана, который распространён сейчас повсеместно, очерёдности ниспослания их не соответствует; значит, если во всей истории Корана не найти и следа хоть какого бы то ни было вмешательства, не встретить признака и ничтожнейшего изменения, несённого когда-либо в композицию стихов Священной Книги, то вывод (совершенно определённый и окончательный) может быть сделан только один: нынешнее расположение точно соответствует тому образцу, который принят был Святым Пророком. Отметим теперь, что всеми — даже наиболее предубеждёнными критиками ислама — признаётся совершенно неоспоримым следующий факт: ни в чём не менялся текст Корана (ни одно слово, ни одна буква его; ни порядок его стихов, ни последовательность глав) со времён Усмана, третьего халифа. Те копии Корана, которыми располагаем мы сейчас, являются, несомненно, точными подобиями — достоверными и подлинными во всех отношениях — копий, сделанных по велению Усмана; следовательно, чтобы доказать, что в наши дни общераспространена композиция стихов и глав, ничем не отличающаяся от той, которая принята была Пророком Святым, следует лишь продемонстрировать идентичность очерёдности элементов текста в собрании Усмана порядку оригинала. Нетрудно убедиться, что в то время, когда собрание это составилось, не было у Усмана никаких оснований для изменения чётко установленной последовательности, которой продолжали придерживаться сподвижники Святого Пророка. Мы показали уже, что самим Пророком признавалась архитектура, отнюдь не зависящая от хронологии ниспослания, и что таким же принципом — как при изучении, так и при проповеди Священной Книги — руководствовались сподвижники его. Показать же, что Усман от установленной ими очерёдности отказался, было бы совершенно невозможно, ибо полностью отсутствуют свидетельства в пользу такого предположения. Когда началось при Усмани изготовление списков Корана по собранию Абу Бекра, тысячи соратников Пророка были ещё живы, так что не осталось бы незамеченным ни одно изменение в порядке стихов. Более того, отнюдь не Усман был непосредственным руководителем работы по подготовке копий — миссия эта возложена была на нескольких наиболее известных сподвижников Пророка, прославленных своим знанием Священной Книги; ни об одном из них нельзя сказать, что была у него хоть какая-нибудь причина изменить существовавшую в то время композицию. Ни о каких новшествах, введённых тогда в расположение стихов, не рассказывают нам и исторические источники. Никто и никогда — ни представители какого-либо течения в исламе, ни частные лица — не обвиняли Усмана в том, что он искажил очерёдность стихов в главах Священного Корана. Собственно, единственное обвинение, выдвинутое

против него, заключается в том, что он наложил запрет на некоторые «чтения» (варианты); природу этого обвинения я опишу несколько ниже. Что же касается каких-либо изменений в последовательности стихов, то об этом не упоминается нигде — ни в сообщениях вполне достоверных, ни в тех, подлинность которых вызывает сомнения.

Нынешняя композиция Корана не отличается от принятой Пророком — свидетельства положительного характера.

Выше мы привели ряд доказательств того, что за всю историю Корана не найти и одного случая, когда порядок стихов его был бы искажён — хотя бы в наималейшей степени. Наряду с этими доказательствами через отрицание, имеются и свидетельства характера положительного; они позволяют прийти к тому же выводу. Найти такого рода свидетельства можно в различных повествованиях, достоверность которых сомнений не вызывает, вернее — в сделанных по разным поводам замечаниях, что в этих повествованиях упоминаются. Бухари, к примеру, рассказывает следующее: «Святой Пророк сказал: "Кто прочтёт как-нибудь ночью последние два стиха из главы "Бакарах", для него их достаточно"» (Б. 64:12). Это показывает как то, что Святой Пророк сам соблюдал порядок, который возвестил он соратникам своим, так и то, что все они принимали одну и ту же последовательность; ибо если бы это было не так, не мог бы сказать он о каких-то двух стихах, что они суть «последние два стиха» некой главы. Приведённая Бухари история служит неопровержимым доказательством наличия общеизвестного и чётко определённого места для всякого стиха в соответствующей главе; и ни один из чтецов Корана не мог этого места изменить. Кроме того, из рассказа Бухари следует, что стихи, оканчивающие вторую главу сейчас, завершали её и во времена Святого Пророка, а это означает, что композиция текста, знакомая нам по копиям Корана, используемым в настоящее время, не отличается от строя Священной Книги, который признавал сам Пророк. Для подтверждения тут стоит вспомнить другое известие, в котором последние стихи главы второй приведены; они совершенно тождественны заключительным — т.е. двести восемьдесят пятому и двести восемьдесят шестому (согласно принятой в нашем переводе нумерации) — стихам этой главы в том её варианте, в каком известна она нам сейчас. Согласно другому хадису, Святой Пророк сказал последователям своим читать вслух «первые десять стихов» главы, называющейся «Пещера», в случае появления Антихриста (АД. 36:13). Если б порядок стихов не был установлен, то и слова эти о «первых десяти стихах» не значили бы абсолютно ничего — поскольку никакие конкретные стихи им бы не соответствовали. В ином сообщении упоминаются — в такой же связи — последние десять стихов этой главы (АД. 36:13). В третьем источнике речь идёт о десяти стихах, завершающих «Аль Имран», третью главу, которую вслух читал Пророк, совершая свои молитвы *табаджуд* (Б. 65: iii, 19). Все эти хадисы — как и многие другие — демонстрируют с полной очевидностью, что расположение стихов внутри глав было осуществлено самим Пророком. Композиция эта была совершенно такой же, что принята сейчас и определяющая строение текста в любом современном издании Священного Корана, — ведь во всём мусульманском мире иной какой-нибудь порядок попросту не существует.

Порядок следования глав тоже был определён самим Пророком.

Неопровержимое доказательство того, что не только стихи, но и главы расположил в определённом порядке сам Святой Пророк, приводится в следующем хадисе, который поведал Анас:

«Я был одним из посланцев к Сакиф при обращении Бани Сакиф в ислам. (...) Святой Пророк нам сказал: "Снизшла на меня неожиданно моя часть Священного Корана, и потому нет у меня намерения выйти, покада не завершу я её". Тогда спросили мы сподвижников Святого Пророка о том, как делят они Коран на части. Они сказали: "Мы придерживаемся такого деления на части: три главы, а затем пять глав, а затем семь глав, а затем девять глав, а затем одиннадцать глав, а затем тринадцать глав, а затем остальные все главы, которые начинаются с "Каф" и именуются "*муфассал*".» (ФБ., т. ix, стр. 39).

Имеются серьёзные основания доверять подлинности этого свидетельства. Согласно тому, что сказано в нём, текст Корана следует делить на семь частей (или *манзилей*), каждая из которых должна быть произнесена в течение одного дня, —

таким образом, прочтению всей Священной Книги вслух надлежит соответствовать периоду, равному семи суткам. Из другого вполне достоверного хадиса, который выше мы уже цитировали, становится известным, что Святой Пророк повелел сподвижникам своим не оканчивать Священного Корана меньше, чем за семь дней; оба сообщения, полученные из источников совершенно различных, полностью друг другу соответствуют, и свидетельствует это о подлинности их и достоверности. Более того, оба они принимаются (в силу истинности своей) наиболее известными составителями собраний хадисов. Заметим теперь, что хадис, фрагмент которого мы сейчас процитировали, показывает наглядно, каким образом организована последовательность глав, ибо деление на части, описанное в нём, соблюдается и поныне во всём мусульманском мире. Семь частей называются семью *манзилями*, или стадиями, и включают они то именно число глав, что упомянуто в хадисе. Седьмая часть начинается с главы, носящей название «Каф», как отмечено в приведённом сообщении, а общее число глав, входящих в первые шесть частей, равно сорока восьми — и здесь рассказ тоже полностью соответствует любому изданию Корана, которым располагаем мы сейчас. Следует только отметить, что в современных публикациях Корана «Каф» — это пятидесятая глава, а не сорок девятая; разницу объяснить легко: в хадисе, отрывок из которого привели мы выше, не включена в счёт глав «Фатиха», т.е. открывающая Сура. Цитируемое сообщение является совершенно недвусмысленным и абсолютно неопровержимым свидетельством того, что порядок глав (так же, как и порядок стихов) был определён самим Святым Пророком и что расположение их в настоящее время ничем не отличается от принятого изначально.

Можно, впрочем, услышать тут возражение: о наличии какого-либо упорядоченного расположения речь вообще не могла идти, поскольку не был Коран завершён вплоть до кончины Святого Пророка; новые стихи и главы постоянно ниспосылались ему. Это, бесспорно, совершенная правда: нельзя ведь, в самом деле, было утверждать, что Коран окончен, пока жив был тот, кому продолжали являться откровения Господни. Только для определения композиции целого это значения не имело. Слово «Коран», когда употреблялось оно современниками Пророка, означало ту часть Корана, что была к моменту речи уже открыта. В приведённом выше рассказе речь идёт об обращении в ислам *Бани Сакиф*, которое имело место на девятый год хиджры. В этот год дарована была глава «Отречение», её считают последней по времени ниспослания. Следовательно, к тому дню, когда протекала представленная в хадисе беседа, почти весь Коран уже нисшёл; и за делением на семь частей, предполагающим наличие определённого числа глав в каждой из них, стоит авторитет самого Святого Пророка. Стихи, что явлены ему были впоследствии, обрели своё место в тех главах, для которых были они назначены. Одна лишь короткая сура (110-я, под названием «Помощь») была ниспослана позже известного со слов Анаса разговора, но её присутствие в последовательности глав не нарушило порядка и не изменило числа их в первых шести частях, поскольку включена она была в седьмую, число сур которой в беседе с соратниками Пророка упомянуто не было.

Талиф Ибн Масуд.

Относительно предположения о том, что некоторые из соратников Пророка признавали какой-то иной порядок расположения глав, следует со всей определённой сказать, что является оно ошибочным. Наиболее известное из этих «иных» сочетаний прозывается «Талиф Ибн Масуд», т.е. «Соединение Ибн Масуда». Дело с ним обстоит несложно: тут всё объясняется тем, что Святой Пророк порою сочленял некоторые главы покороче в своих молитвах *тахаджуб*, и такое их сопряжение особенно полюбилось Ибн Масуду. Только не следует здесь забывать, что во время молитв всякий был волен — как волен каждый мусульманин и поныне — произносить любую часть Корана по своему выбору. Об этой свободе ведётся специально речь в хадисе, где утверждается, что вслед за «Фатихой», чтение которой обязательно при каждом *ракате* молитвы, можно произносить какую угодно часть Корана (АД. 2:134). Точно так же, в пределах одного *раката* позволено читать две главы или большее их число, и порою для произнесения в молитвах такие главы сплетаются воедино. К примеру, в своих молитвах *тахаджуд* Святой Пророк читал иногда по двадцать глав, восемнадцать из которых относились к группе *муфассал*, т.е. кратких глав, находящихся в заключительной части Корана и вводимых носящей название «Каф» (гл. 50), тогда как две оставшиеся — это «*Ха Мимы*», т.е. главы, начинающиеся с «*Ха Мим*». Таким образом, в каждом *ракате*

произносилось в этих случаях по две главы, причём общее число *ракатов* равно было десяти. Созданное Святым Пророком своеобразное сочетание, которое сохранилось и дошло до нас благодаря Ибн Масуду, носит, соответственно, название «Талиф Ибн Масуд», что значит «Соединение Ибн Масуда». Конечно, это сочленение глав не имеет ничего общего с порядком расположения их в Священной Книге и образцом служит оно далеко не всегда. Собственно, исключительно в силу отличия своего от композиции сур, изначально принятой, не было это сплетение глав позабыто; упоминают о «Соединении Ибн Масуда» лишь из-за своеобразия его. Даже во время коллективных молений та последовательность сур, которая характеризует текст Корана, соблюдалась отнюдь не всегда. Как-то раз Святой Пророк произнёс четвёртую главу в первом *ракате*, а третью — во втором, и сведения об этом дошли до наших дней как раз потому, что имело место отступление от общепринятой очерёдности (ФБ., т. ix, стр. 36). Подобных случаев засвидетельствовано немало. Рассказывают, например, что Пророк обычно произносил в первом *ракате* тридцать вторую главу, а во втором — семьдесят шестую, когда совершал по пятницам утренние молитвы (Б. 11:10). В другом хадисе повествуется о человеке, которому особенно нравилась сто двенадцатая глава Корана; он читал её в каждом *ракате* молитвы, произнося вслед за нею какую-нибудь другую сур, избранную по своему желанию, и Пророк против этого не возражал (Тр. 43:11). Поэтому так называемый «Талиф Ибн Масуд» никакого отношения к порядку, в котором расположены главы Корана, не имеет.

Собрания, составленные Убайи и Али.

Убайи ибн Каб и Али — так звали двух других, о ком говорят, что следовали они в расположении глав Корана образцу, отличающемуся от общепринятого. Что касается первого из них, то от рассмотрения его случая отказаться следует немедленно, поскольку не существует никаких сколь-либо серьёзных свидетельств признания им правильного порядка сур иного, чем известное нам ныне. Единственное, что о нём, в данной связи, известно, это определение им места для главы четвёртой перед главою третьей. Если никакой другой разницы между композицией, принимаемой им, и той, которая характеризует текст повсеместно распространённый, нет, то несовпадение это следует признать несущественным; ошибка, судя по всему, объясняется тем, что Святой Пророк сам (мы уже указывали это, когда вели речь об Ибн Масуде) как-то раз произнёс четвёртую главу перед третьей в одной из своих молитв. Что же касается Али, то о нём говорят, что в собрании своём расположил он коранические главы в той очерёдности, в которой нисходили они; сообщается также о том, что не мог обрести он покоя после смерти Святого Пророка, пока не свёл воедино Священную Книгу, составив её так, чтобы суры следовали друг за другом в порядке хронологическом. Относительно подлинности этих сведений высказывались сомнения, поскольку таким образом построенный текст Корана следующим поколениям в наследство передан не был, — хотя и правил Али как халиф непосредственно вслед за Усманом. Кроме того, сам Али, как гласит одно из дошедших до нас свидетельств, утверждал, что «величайшим из людей — в том, что относится к собиранию текста Корана, — был Абу Бекр; он первый человек, составивший Коран» (ФБ. т. ix, стр. 10). Кроме того, Убайи и Али входили в число тех, под чьим руководством изготовлялись копии Корана во времена Усмана; это решительно свидетельствует в пользу точки зрения, согласно которой известный ныне порядок глав считали они правильным.

Почему «Бисмиллах» не открывает главу девятую.

Позволительно, в связи с рассмотрением порядка глав, упомянуть ещё один хадис. Ибн Аббас повествует: «Я сказал Усману: "Какова была причина того, что поместил ты «ал-Анфаль» (главу восьмую) против «ал-Бараат» (главы девятой), хоть и не начертаны были тобою меж ними слова «Бисмиллаха», причислив их этим к тому же разряду, что и семь длинных сур?" Усман ответил: «В обычае было у Святого Пророка, когда открывалось ему много глав, посылать — всякий раз, когда нисходила какая-либо часть какой-либо суры, — за кем-нибудь из писцов своих и говорить ему, чтобы вписал он стихи явленные в главу, где о таких-то и таких-то вещах ведётся речь. Так вот, «ал-Анфаль» — из сур, дарованных в Медине в раннюю ещё пору, тогда как «ал-Бараат» принадлежит к последним среди ниспосланных глав, гласят же обе эти суры о предмете одном и том же. Поэтому и решил я, что «ал-Бараат» есть часть «ал-Анфаль», но Святой Пророк умер, и не сказал он нам ясно, что это и в самом деле так"» (АД.2:123). Из этого сообщения — где ни в кой

мере не утверждается, что порядок глав устанавливался по воле Усмана — несомненным становится следующее: Святой Пророк, и никто иной, определял последовательность сур. Рассказ Ибн Аббаса свидетельствует о том, что Пророк — во всех случаях, кроме того, о котором поведал Усман, — «ясно» указывал своим сотоварищам, какое место данный стих должен занимать в той или иной главе или какое место отводиться данной главе в целостности Священной Книги. Демонстрирует приведённое повествование и то, что доминирующую роль в композиции отводил Святой Пророк принципу тематическому. В ситуации, о которой нам стало известно из рассказа Усмана, не было Пророком с полной ясностью указано, что «Бараат» является продолжением «Анфаль», и потому сочли их двумя разными главами — хотя и не открывается (в отличие от всех остальных глав) словами «Бисмиллаха» сура «Бараат», а такое ведь ещё более правдоподобным делает предположение, что были стихи суры девятой ниспосланы, дабы завершить предшествующую главу. История эта, известная нам со слов Ибн Аббаса, свидетельствует лишь об одном: о том, сколь скрупулёзно точны были сподвижники Пророка, когда исполняли его указания.

4. АБУ БЕКР СОБРАЛ ПОДЛИННЫЕ РУКОПИСИ КОРАНА.

При жизни Пророка свести воедино Коран в письменной форме было невозможно.

Начата работа по составлению целостного текста Священного Корана была, как показано выше, самим Пророком Святым, который поступал согласно воле, открывавшейся ему в Божественном откровении. Но нам уже известно, что нужно такое собрание было лишь тем, кто хотели Коран заучить наизусть целиком, причём определение порядка глав необходимо было, дабы всю Священную Книгу читать по памяти вслух. Потому-то, хотя и помнили сподвижники Пророка весь текст Корана полностью и в должной последовательности, признанного собрания, в котором сведены были бы в письменной форме все стихи, все суры его, не существовало. Сомнения нет, их записывали немедленно после того, как нисходили они, но соединить всё явленное в одном томе было невозможно, куда жив был тот, кому продолжали ниспосылаться Божественные откровения. В любой момент мог быть дарован стих, который следовало бы поместить куда-нибудь в середину главы; поэтому сама природа ситуации делала абсолютно нереальной возможность существования завершённой какой-либо книги, законченного письменного текста. Такое собрание, впрочем, стало необходимостью после смерти Святого Пророка. Следовало облегчить возможность прибегать к Священному Слову, требовалось, кроме того, способствовать распространению его; нужно было, равным образом, придать ему форму существования более надёжную, чем та, в которой пребывало оно в кладовых памяти людской. Таковы были цели Абу Бекра, когда взял он в свои руки дело собрания воедино Священного Корана.

Умар был первым, кто осознал необходимость составить собрание записей.

Приводимый ниже рассказ о тех обстоятельствах, в которых необходимым стало (во времена Абу Бекра) сведение в единое целое различных элементов Корана, подтверждает только что сделанное утверждение. Вот что узнаём мы из повествования Зейдом ибн Сабитом. Вскоре после смерти Святого Пророка должен был Абу Бекр послать войска против Мусайимы. В битве при Ямаме мусульмане понесли большие потери, пали, среди прочих, и многие курра (термином «курра» — его переводят обычно словом «чтецы» — обозначают людей, весь Коран знающих наизусть) Священного Корана. Умар понял, что возникнет ужасная опасность, если в ином каком-нибудь бою погибнут и другие чтецы Священной Книги. Немедля направился он к Абу Бекру и дал ему совет тотчас же распорядиться, дабы собраны были записи разных частей Корана в одну книгу. «Великое множество чтецов Корана было убито в сражении при Ямаме, — сказал он, — и опасаясь я, что смерть без жалости будет косить их и на других полях брани; немалая часть Корана может тогда быть безвозвратно утрачена. По моему разумению, должен немедля отдать ты приказы, дабы собирали Коран». «Так как же могу я сделать то, — возразил Абу Бекр, — чего сам Святой Пророк (да будут с ним мир и благословение Аллаха!) не сделал?» «Но, — упорствовал Умар, — при обстоятельствах нынешних станет это наилучшим из решений». После недолгого обсуждения, Абу Бекр согласился с доводами своего собеседника; и тогда послали за Зейдом. «Ты был тем, кому довелось записывать откровения Пророка. Разыскивай же потому Коран (в записях разных частей его) и

собирай найденное (в одну книгу)». Первый ответ Зейда был подобен начальному отклику Абу Бекра на предложение Умара. «Могу ли я сделать то, — сказал он, — чего Святой Пророк (да будет с ним мир и благословение Аллаха!) не сделал?» И столь тяжкой показалась ему задача его, что подумал он тогда: «Не было бы для меня труднее, если бы попросили, чтобы сдвинул я гору». Но в конце концов удалось убедить его, и он принялся за поиск (Б.65:ix,20).

Свод записей был необходим, чтобы дополнить хранимое в памяти.

Свидетельство, что приведено выше, помогает подтвердить фактами целый ряд положений. Во-первых, благодаря ему мы узнаём, что Коран в целостности своей хранился в кладовых памяти чтецов, которые выучили его ещё при жизни Святого Пророка. Пока чтецы эти были живы, опасности не существовало; но если бы погибли они в боях, тогда бы реальной стала угроза утраты каких-то фрагментов Священного Корана, ибо не были ещё к тому времени воедино сведены записи глав его различных и стихов. Во-вторых, явствует из цитированного в предыдущей главе сообщения, что собрание Корана, имевшее место при жизни Абу Бекра, должно было выполнять функции лишь дополнительные по отношению к сохранению его в памяти. Опасений за будущее Умар преисполнился, когда понял, что многие чтецы Корана могут костью полечь в будущих битвах, — подобно тому, как произошло это в сражении при Ямаме, где пало большое число их. Память, конечно, была хранилищем надёжным — но лишь покуда в живых пребывали те, что в сокровищнице её собрали текст Священной Книги, выученной наизусть; с их смертью утеряно было бы собрание это навеки. В-третьих, из рассказа Зейда ибн Сабита следует, что к тому времени, когда Абу Бекр принялся за собрание списков Корана, за сведение Священной Книги воедино в письменной форме, ничто из явленного Пророку утеряно не было и, кроме того, живы были ещё многие чтецы, наизусть помнившие всё ниспосланное. Итак, подводя итоги, отметим, что из повествования, о котором идёт сейчас речь, вытекает следующее: весь Коран в целостности и сохранности пребывал в памяти чтецов, и Умар хотел составить письменный текст лишь для того, чтобы существовал он в дополнение к этому в памяти хранимому собранию.

Теперь мы должны объяснить слова Абу Бекра, сказавшего, что не может он сделать то, чего не сделал Святой Пророк. Умар, обратившийся к Абу Бекру, говорил не о собирании Корана как таковом, но о подготовке свода его в письменной форме. Священный Коран (полный текст, состоящий из расположенных в идеальном порядке глав и стихов) хранился уже в надёжнейшем из убежищ, в памяти людской, но не были пока собраны записи разных фрагментов Священной Книги, не были сведены они в определённой последовательности. Умар попросил Абу Бекра составить собрание этих записей, а этого Святой Пророк, действительно, никогда не делал, и потому Абу Бекр сперва отказался. Но просьба Умара основана была на рассуждении здравом и убедительном. Сам Святой Пророк следил ведь и за тем, и за другим: по его воле всякое откровение как записывалось, так и заучивалось. Именно это убедило Абу Бекра в правильности предложения Умара и в разумности его.

Следовало собрать рукописи, созданные в присутствии Пророка.

В разъяснении нуждается ещё один аспект ситуации, описанной в приведённом выше повествовании. Мы имеем в виду слова Зейда о тех великих трудностях, что, как думалось ему, встретятся на его пути, пока будет он выполнять порученное. В самом деле, по его мнению, возложенная на него задача не была бы труднее, если бы поручили ему сдвинуть гору. В чём состояли они, эти трудности? Ответ можно найти, прочитав рассказ Ибн Али Давуда. «Встал Умар и объявил, что получившие что-либо от самого Святого Пророка должны принести это (Зейду), а они (сподвижники Пророка) записывали это обычно на бумаге, и на дощечках, и на черенках пальмовых, когда жив был Святой Пророк, и ничего ни от кого не принималось, пока двое свидетелей свидетельства не приносили» (ФБ., т. ix, стр. 12). Целью этой организованной Абу Бекром собирательской деятельности являлось объединение всего, что было записано в присутствии Святого Пророка. Благодаря своду, составленному Зейдом, должны были сохраниться изначально сделанные записи; сопряжённые с подготовкой такого собрания великие трудности — вот что разумел Зейд, когда узнал, что поручена ему эта работа. Значительная часть текста Священного Корана ниспослана была в Мекке, но даже и явленное Пророку в Медине далеко не полностью находилось в распоряжении Зейда. Зейд должен был

разыскивать записи, сделанные *в присутствии Святого Пророка*. Для выполнения этой задачи выбрали именно его, поскольку он был тем, кто записал большую часть откровения, снисшедшего в Медине, и предполагалось, что все списки у него сохранились. Но прийти к той цели, что стояла перед ним, было чрезвычайно трудно. Ему следовало отыскать все фрагменты текста, записанные непосредственно при посланце Аллаха, а затем расположить их в порядке, соответствующем той композиции, которой придерживались мусульмане, произносившие стихи и главы Корана (что хранился целиком в их памяти) согласно заповеданному Святым Пророком. То, что записи эти пребывали в сохранности, сомнений вызвать не может. Всё, относившееся к ниспосланиям Господним, сберегалось с величайшим тщанием. Но задача, конечно, была нелегка, и для того, чтобы выполнить её, тяжкий следовало положить труд на неустанный поиск; потому-то и сказал Зейд, отдававший себе отчёт в многосложности ждущей его работы, что не легче сделать её, чем сдвинуть гору.

Приказания Абу Бекра.

Целый ряд соображений приводит к совершенно определённом и однозначному выводу: поручение, данное Зейду, предполагало сбор и расположение в определённой последовательности тех первых записей разных стихов и сур, которые сделаны были в присутствии Святого Пророка. В намерения Абу Бекра и Умара входила отнюдь не подготовка Зейдом тома, который был бы попросту записью слов чтецов, произносивших наизусть текст Священной Книги. Потому-то и пользуются — всякий раз, как речь ведётся об этой задаче, — словом «собрание» (по-арабски — «джам»), но не «размещение» или «составление». Тут также кроется причина того, что первым распоряжением, которое Абу Бекр дал Зейду, было «*разыскивать* Коран и собирать его»; нетрудно догадаться, что «разыскивать» следовало именно записи. Если бы Умар добивался лишь сведения в пределах одного тома того текста Священной Книги, который наизусть произносили *курра*, вполне удовлетворительная (с точки зрения точности) письменная версия Корана могла бы быть подготовлена следующим образом: Зейд записал бы все стихи под диктовку нескольких собравшихся чтецов, а затем передал бы свой манускрипт на одобрение сподвижникам Пророка. Но целью Умара (и это отражено в приказах, отданных Абу Бекром) являлось собирание тех рукописей, что созданы были сообразно указаниям самого Святого Пророка; точность текста, благодаря этому, гарантировалась вдвойне.

После проведённого повсюду поиска Зейд собрал изначальные записи.

Далее говорится, что Зейд, и в самом деле, последовал по этому пути: убедившись в правоте Абу Бекра и Умара, содеял он, по собственному свидетельству, следующее: «Принялся я тогда за поиски Корана; я собирал его строки, записанные на пальмовых листьях, и на каменных табличках, и в сердцах людских, до тех пор, пока не нашёл я заключительных стихов суры, названной "Отречение", которые хранились у Абу Хузеймы Ансари, и убедился я, что нет никого другого, у кого бы хранились эти строки» (Б.65:ix, 20). Из этого следует, что две задачи стояли перед Зейдом: должен он был найти рукописи и собрать их в единую книгу. Однако, при сведении списков в пределах одного тома следовало придерживаться определённой архитектоники стихов и глав, так как сами записи были найдены у разных людей и не содержали никаких указаний относительно взаимного своего расположения. Зейд вынужден был обратиться к чтецам Корана с целью уточнения композиции — и в этой именно связи упоминаются «сердца людей» в приведённом выше свидетельстве. Воистину, собирание рукописей в единую книгу не могло бы осуществиться без помощи хранителей устной версии. Именно поэтому Умар настаивал на том, чтобы собирание текстов было начато как можно скорее, пока ещё живы были многие чтецы Корана; по той же причине упоминает и Зейд о том, что во время собирания текстов приходилось ему обращаться к памяти людской — т.е. «к сердцам людей», как у него сказано. Это вовсе не значит, что в некоторых случаях Зейд искал записи глав Корана, а в других полагался лишь на память чтецов, ибо, если бы полагал он, что может довериться полностью их памяти в отношении какой-то части откровения, не было бы нужды искать записей и остальных частей, — и потому весь Коран легко можно было бы записать под диктовку тех, кто помнили его наизусть.

Письменный свод Абу Бекра соответствовал хранившемуся в памяти своду самого Пророка.

Наиболее важным из вопросов, возникающих относительно собрания сур Корана, подготовленного по приказу Абу Бекра, является следующий: во всём ли совпадает текст этого свода с текстом Корана, что хранился и был воедино сведён в памяти сподвижников Пророка, иными словами — с текстом, что изустно передавался и произносился (в собрании людей или в уединении) при жизни Святого Пророка? Нет ни малейшего основания полагать, что эти тексты не суть идентичны. Во-первых, ни у одного из собиравших строки Корана не было каких-либо причин внести в текст хоть малейшее изменение. Глубочайшим и искреннейшим желанием участвовавших в этом труде людей было сведение в пределах единой книги всего, что явлено было Святому Пророку в откровении, т.е. составление собрания полного и достойного доверия; отметим при этом, что Зейд принялся за исполнение поставленной задачи лишь после того, как полностью отдал себе отчёт во всех предстоящих трудностях. Во-вторых, собиравшие текстов началось спустя всего лишь шесть месяцев после смерти Святого Пророка, и были ещё живы почти все те, кто слышали Коран из его уст. Сподвижники Пророка хорошо помнили Коран таким, каким читал его Святой Пророк, так что любые изменения текста не остались бы незамеченными. В-третьих, многие из соратников Пророка могли прочитать весь Коран наизусть. Другие же помнили большие куски Корана, и эти фрагменты всегда были свежи у них в памяти благодаря постоянному повторению в молитвах. Никакое отступление от текста — в том виде, в каком был он известен во времена Святого Пророка, — не было бы допущено при жизни этих людей. В-четвёртых, существовало много записей откровений, явленных Пророку, и записи эти распространялись сподвижниками Пророка в своей среде. Поскольку каждый стих был записан во время откровения, а затем переписывался самими сподвижниками, точность собрания Зейда могла быть легко проверена. Записи эти принадлежали разным соратникам Святого Пророка, и потому каждый из них лично мог убедиться в том, что собрание Зейда было воистину заслуживающим доверия сводом подлинных текстов. Более того, чьи-либо записи могли быть сопоставлены с записями, хранившимися у кого-нибудь другого, так что (как и при чтении стихов Корана наизусть) ни одна ошибка вкрасться в текст не могла. Таким образом, сберегавшееся в памяти и хранившееся в записи служили подтверждениями друг другу, свидетельствовали обоюдно о своей и без того не вызывавшей сомнения истинности. В-пятых, не существует ни одного какого-либо упоминания о том, что в собрании, созданном по распоряжению Абу Бекра, что-нибудь было упущено; никто не утверждал и того, что было добавлено нечто, не являвшееся частью откровения Господнего. Мюир говорит по этому поводу: «Мы никогда не слышали о фрагментах, предложениях или словах, упущенных составителями, или же отличающихся от используемых в общепринятом варианте издания. Всякое такое отличие было бы, конечно, сохранено и особо отмечено в тех сокровищницах традиции, где собраны и берегутся даже самые незначительные и обыденные из слов и деяний Пророка».

5. УСМАН ПОВЕЛЕЛ ПЕРЕПИСЫВАТЬ СОБРАНИЕ АБУ БЕКРА

Обстоятельства, которые заставили Усмана принять решение о создании новых копий Корана .

Как было показано выше, существуют веские и убедительные доказательства того, что собрание, созданное по распоряжению Абу Бекра, полностью соответствовало (и в том, что касается текста как такового, и в относящемся к области композиции) собранию, составленному согласно указаниям самого Святого Пророка и сохранённому памятью чтецов. Составленный свод, как известно, находился в распоряжении Абу Бекра, а когда тот умер, достался Умару. После смерти последнего книга перешла на хранение к Хафсе, дочери Умара и вдове Святого Пророка. Таким образом, собрание, созданное по приказанию Абу Бекра, дошло до периода царствования Усмана, не претерпев ни единого изменения ни в словесном составе текста, ни в композиции. Однако, когда стали известны Усману некоторые особые обстоятельства, счёл он необходимым распространить официальные копии текста, переписанные находящимися на государственной службе писцами, и конфисковать списки, сделанные частными лицами с материалов собрания Зейда или же с других рукописей, всё ещё имевших весьма широкое хождение.

Обстоятельства, сделавшие это необходимым, описываются следующим образом:

«Анас рассказывает, что пришёл к Усмани Хузайфа, который сражался с сирийцами при завоевании Армении и с иракцами в Азербайджане, и был он встревожен тем, как по-разному читают они Коран, и сказал он Усмани: «О повелитель правоверных, останови этих людей, покуда не возникли у них разногласия из-за Священной Книги, какие существуют у евреев и христиан из-за их Писаний». Тогда Усман отправил послание Хафсе, где просил он прислать ему Коран, хранящийся у неё, дабы сделать с него несколько копий, а затем возвратить ей изначальный список. И послала тогда Хафса книгу Усмани, и отдал он повеление Зейду ибн Сабиту, и Абд Аллаху Зубейру, и Саиду ибн ал Асу, и Абд аль-Рахману ибн Харису ибн Хишаму, и сделали они копии с первого списка. Усман сказал также тем троим из числа их, кто принадлежал к племени курайшитов (а лишь Зейд, единственный из них, был мадинитом): «Если не согласны вы с Зейдом в чём-либо, к Корану относящемся, то пишите на языке курайшитов, потому что на языке людей этого племени Коран был явлен Пророку». Они подчинились велениям этим, и когда должное число копий было сделано с изначального списка, то Усман возвратил Хафсе рукопись её, и разослал он повсюду сделанные с рукописи этой копии, и повелел сжечь все остальные списки и листья, на которых был записан Коран» (Б. 66:3).

Итак, халифу сообщил один из его военачальников, что в таких отдалённых частях его владений, как Сирия и Армения, существуют, в области чтения Корана, некоторые расхождения. В Медине, в Мекке или вообще где бы то ни было на территории Аравии наличия подобных несоответствий не отмечалось. Встречались эти варианты лишь в недавно обращённых в ислам странах, где по-арабски не говорили. Относительно характера этих отличий со всею ясностью было сказано, что существуют они только на уровне *кираат*, т.е. способов *чтения*. Но тут возникали опасения следующего характера: если ничего не предпринять для того, чтобы преодолеть эти *незначительные* пока расхождения, они — со сменой поколений — перерастут, без всякого сомнения, в несравнимо более серьёзные. В чём точно заключались различия, определить нелегко; впрочем, некоторый свет на их природу проливает обращение к источникам более ранним. Из хадиса, подлинность которого сомнений не вызывает, узнаём мы, что сам Святой Пророк допускал различное прочтение отдельных слов, тогда как иные из его соратников, не ведавшие поначалу об этом позволении, требовали к ответу тех, кого уличали в отличном от принятого чтении слов Священного Корана. Причина данного Пророком разрешения заключалась в следующем: люди, принадлежавшие к некоторым племенам, не могли определённые слова произносить так, как было это принято повсеместно. При произношении таких слов им было разрешено придерживаться образца, для них наиболее доступного. Ниже этот вопрос рассматривается нами более подробно.

Расхождения в прочтении, необходимость в которых отсутствовала, уже были запрещены Умаром.

Разрешение читать отдельные слова не совсем так, как было это общепринято, дано было лишь потому, что существовала в таком позволении насущная необходимость. Этим разрешением могли пользоваться лишь те, кто, привыкнув с раннего детства произносить некие слова определённым образом, не могли выговорить их без акцента на диалекте курайш. Но когда ислам вышел за пределы Аравии и распространился там, вопрос о необходимости читать те или иные слова отличным от принятого способом потерял свою релевантность, поскольку иностранцам безразлично было, как (т.е. согласно норме какого диалекта) произносить слова: они могли делать это подобно тем, чьим родным диалектом был курайш, — точно так же, как и подражая носителям любого другого диалекта. Тем не менее, встречались всё ещё люди, которые обучали Корану, придерживаясь при этом правил чтения, что не соответствовали особенностям произношения, характерным для диалекта курайшитов. Некоторые из таких учителей даже злоупотребляли данным Пророком разрешением и предпочитали нестандартные способы прочтения отдельных слов общепринятым, хотя не было в этом ни малейшей нужды. Особенно, судя по всему, распространилось это зло в Куфе; о нём именно вёл речь Хузайфа, обеспокоенный расхождениями в области прочтения отдельных слов. Вывод этот подтверждается рассказом, события которого

относятся к более раннему, чем эпоха Усмана, периоду. Сообщили Умару, что Ибн Масуд читал *атта хин* вместо *хатта хин* (оба эти сочетания слов означают «до того времени» — ФБ., т. ix, стр. 24). В диалектах хузаил и сакиф слово *хатта* произносилось как *атта* (см. ЛЛ под *атта*). Ибн Масуд не принадлежал ни к одному из этих племён, но, тем не менее, предпочитал он нестандартное прочтение слова — прочтение, которое дозволено было лишь потому, что в некоторых племенах люди не были способны произносить это слово по-другому. Когда Умар узнал, что Ибн Масуд учит читать *атта* вместо *хатта*, халиф написал Ибн Масуду, что Коран был ниспослан на языке курайш и что не следует читать его на диалекте хузаил; «потому обучай людей Корану на языке курайш, а не на языке хузаил» (ФБ., т. ix, стр. 24).

Усман лишь продолжал начатое Умаром

Усман приказал сжечь все копии Корана, сделанные частными лицами, с одной лишь целью: решение было принято, дабы положить раз и навсегда конец отклонениям от подлинного текста. Верность этого заключения подтверждается указаниями, которые даны были Усманом цеху писцов. Тем из переписчиков, кто принадлежал племени курайшитов, он повелел: «Если не согласны вы с Зейдом в чём-либо, к Корану относящемся, то пишите на языке курайш, потому что на языке людей этого племени Коран был явлен Пророку» (Б. 61:3). Эти указания, как известно, были исполнены. Таким образом, Усман пошёл не дальше, чем Умар. Специфика ситуации заключалась лишь в том, что различия в прочтении слов, когда правил Усман, были куда более явными, чем в период царствования Умара, так что и зла от этого стало больше; потому-то Усман и предпринял шаг, целью которого была полная ликвидация всех тех расхождений, что упразднить хотел ещё Умар. Смысл различий, о которых речь идёт в приведённом выше рассказе, поясняется в другом свидетельстве, где встречаются слова: «Когда возникают расхождения меж вами и Зейдом в *арабийяте арабийата* Корана» (Б. 66:2). Слово *арабийат* обозначает арабский язык. Сам факт использования этого слова со всей очевидностью демонстрирует, что под различиями в приведённом выше свидетельстве имеются в виду различия в области произношения слов, характерного для разных диалектов. Зейд не принадлежал к племени курайшитов, и поэтому, если возникали разногласия по поводу того, как должно было читаться или писаться какое-либо слово, принимать следовало решение тех писцов, которые происходили из этого племени. Единственный пример такого рода разногласий дошёл до нас в следующем рассказе: «Спорили они тогда о том, что правильной — *табут* или *табух*. Принадлежавшие к племени курайшитов говорили, что *табут*, а Зейд утверждал что *табух*. О расхождениях этих доложили Усману, и он велел писать *табут*, добавив, что Коран был ниспослан на диалекте курайш» (ФБ., т. ix, стр. 17). Из приведённого рассказа следует, что различия были весьма незначительны, однако даже эти незначительные различия необходимо было устранить.

Экземпляры Корана, изготовленные по приказанию Усмана, были точными копиями свода Абу Бекра.

Отличались ли списки Корана, сделанные по приказанию Усмана, от текста исходного собрания, составленного Зейдом во времена царствования Абу Бекра? Из одного из дошедших до нас свидетельств мы узнаём, что, когда привлечено было внимание Усмана к факту существования различных прочтений, он распорядился лишь об одном: велел доставить ему свод, составленный в период царствования Абу Бекра, — с тем, чтобы с этого собрания были переписаны другие экземпляры Корана, предназначенные для распространения. Таким образом, списки Корана, изготовленные по его приказанию, были подлинными и достоверными копиями собрания Абу Бекра, которое, как мы уже знаем, хранилось после смерти Умара у Хафсы. Зейд теперь выполнял функции одного из тех, кого призывали, дабы сделать новые копии этого свода. Для того, чтобы избежать каких-либо диалектных различий или возможных расхождений в области написания слов, Усман распорядился отдавать во всех спорных случаях предпочтение тому варианту прочтения, который соответствовал бы норме диалекта курайш. Однако до нас дошёл только один пример такого расхождения — речь идёт о случае, когда Зейд читал слово как *табух*, а писцы, принадлежавшие к племени курайш, предпочитали прочтение *табут*. Единственное различие при этом заключалось в написании последней буквы этого слова — тогда как значения его в обоих случаях были абсолютно тождественны. Тем не менее, крохотное это расхождение было признано настолько важным, что о нём сообщили Усману — дабы тот принял решение

самолично. Всё это свидетельствует об одном: экземпляры Корана, переписанные и распространённые по приказанию Усмана, были точными и достоверными копиями свода Зейда, составленного в период царствования Абу Бекра. Если бы между оригиналом и копиями существовали какие-либо различия, это, конечно, вышло бы на свет — либо в какой-то момент долгого царствования Усмана, либо в период правления Али, когда среди мусульман начались раздоры; ведь всё это время собрание Абу Бекра продолжало храниться у Хафсы. Убийцы халифа, не пощадившие седин окружённого всеобщим почитанием старца, не упустили бы случая сделать известным любое отклонение текста копий, изготовленных по приказанию Усмана, от текста той рукописи, что находилась у Хафсы. Но не существует никаких абсолютно сведений о том, что подобное обвинение было когда-либо брошено Усмани, — хотя бы даже его убийцами.

Решение Усмана сжечь все копии, сделанные частными лицами, пользовалось общей поддержкой.

Если бы осуществлённое по приказу Усмана уничтожение всех копий Корана, находившихся в руках частных лиц, являлось произволом или несправедливостью, сподвижники Святого Пророка никогда бы не примирились с этим решением. Они же, как известно, не только одобрили решение Усмана, но и охотно выполнили соответствующие распоряжения халифа. От жителей далёкой Сирии дошла до него просьба немедленно сделать что-либо, дабы положить конец расхождениям в чтении, и выполнить её Усман мог лишь распространив списки Священного Корана, собранного Абу Бекром, списки, точность которых гарантировалась официально, и уничтожив все личные копии, которые, возможно, изготавливались без должного тщания и могли содержать разночтения. Усман принял решение своё лишь посоветовавшись с соратниками Пророка. Рассказывают, что Али сказал: «Не говорите об Усмани ничего, кроме благого, ибо во всём, что относится к уничтожению личных копий Корана, просил он у нас совета. Изрёк он, беседуя с нами: "Что думаете вы о чтении Священной Книги? Поведали мне, что одни говорят другим: «Я читаю правильнее, чем ты». Полагаю, что такие слова можно счесть еретическими". Мы спросили тогда, что, по его разумению, следует сделать с этим в связи. Он же ответил, что должным видит объединить людей единым прочтением. Мы согласились с этим всею душой» (ФБ, т. ix, стр. 16). Итак, только посоветовавшись со сподвижниками Пророка, осуществил Усман решение своё.

Говорят, что переписыванием Корана руководили двенадцать человек. Среди них были Зейд, Саид, Убайи, Анас ибн Малик, Абд Аллах ибн Аббас и другие. По-видимому, сперва этим занимались всего четверо, но затем к ним присоединились остальные, поскольку потребовалось большее число экземпляров, чем предполагалось вначале. Из числа сподвижников Пророка, известных своим знанием Корана, Абд Аллах ибн Масуд был единственным, кто не входил в состав наблюдавших за его переписыванием. Причиной этого, впрочем, было отнюдь не наличие какого-либо по отношению к нему предубеждения; дело просто в том, что жил он в Куфе, расположенной в значительном отдалении от Медины. Усман приступил к действиям, лишь предварительно заручившись согласием огромного большинства соратников Пророка, а когда завершил он начатое, они одобрили сделанное им. Согласно одному из свидетельств, Мусаб ибн Сад рассказывал, что он встречался со многими из сподвижников Пророка в то время, когда Усман отдал приказ о сожжении всех частных копий Корана, и что не было среди соратников Посланца Аллаха никого, кто этого решения бы не одобрил (ФБ, т. ix, стр. 18). В сущности, опасения как самого Усмана, так и сподвижников Пророка, — о чём свидетельствуют приведённые выше слова Али — вызваны были не столько фактом существования различных прочтений, сколько возможностью образования расхождений в понимании, расхождений, вытекающих из наличия таких разночтений.

Современный текст Корана ни в чём не отличается от того, который оставлен был Пророком.

Итак, сбор записей Корана был осуществлён Абу Бекром после смерти Святого Пророка, тогда как Усман лишь отдал приказание снять должное число копий с собрания Абу Бекра. Он действовал только с согласия сподвижников Пророка, прибегнув, таким образом, для руководства переписыванием Священной Книги к помощи людей знаменитых и прославленных своим знанием Корана. Списки, сделанные по его приказанию, были признаны всем мусульманским миром как

истинные копии Корана. Даже злейшие из врагов Усмана, те, кто отрубили ему голову, когда был он погружён в чтение Корана, те, в чьих руках сосредоточенной оказалась затем вся власть, никогда не обвиняли убитого ими халифа в попытках внести какие-либо изменения в текст Корана, — хотя и брошен ему был упрёк в том, что приказал он сжечь все частные копии Корана. Даже в эпоху царствования Али ни одного не было указано слова, что пропустил бы Усман в тексте Корана, да и о самом Али рассказывают, что снимал он копии Корана со списков, распространённых Усманом.

Всё это свидетельствует о том, что чистота коранического текста несомненна. Свод Абу Бекра было точным воспроизведением явленных Посланцу Аллаха откровений в том виде, в каком были они записаны в присутствии Святого Пророка, и в каждой детали своей (как в том, что относится к самому тексту, так и в касающемся расположения сур) соответствовало это собрание тексту Корана, сохранившемуся в памяти сподвижников Пророка; списки Корана, распространённые Усманом, были истинными и достоверными копиями свода Абу Бекра, и эти копии, по общему признанию, не претерпели (при всё новых воспроизведениях) за тысячу триста лет, что миновало с тех пор, каких-либо изменений.

6. РАЗЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Смысл разночтений.

Считается, что разночтения влияют на чистоту текста Корана двояким образом. Утверждают, что некоторые разночтения, разрешённые самим Пророком, не допускались Усманом, и потому с утратой этих разночтений была утрачена и часть первоначального текста. Кроме того, высказывается порою мысль, согласно которой многообразии прочтений, существующих в настоящее время, делает весьма проблематичною возможность дать хоть сколь-либо однозначный ответ на вопрос о том, какое прочтение является изначальным или подлинным. На самом деле, эти сомнения возникают лишь из-за неверного понимания слова «чтение», употреблённого по отношению к тексту Корана, и из-за непонимания того, чем отличаются друг от друга значения слов *харф* и *кираат*, употребляемых для обозначения понятия «чтения»; соответственно, прежде всего необходимо понять истинную природу различий меж прочтениями.

Во-первых, необходимо учитывать, что арабское слово, которое используется в различных источниках для обозначения чтения — это *харф*. Значение этого слова — «диалект, говор или манера выражения, свойственная некоторым из арабов» (ЛЛ). Именно в этом значении слово используется в текстах, где говорится о различии прочтений, как пишет сам Лэйн: «Поведано Мухаммадом, что *Коран был открыт на семи диалектах*, т.е. на семи из арабских диалектов, что означает — в соответствии с семью типами или манерами чтения; поэтому-то и можно сказать, что такой-то, к примеру, читает Коран в манере чтения Ибн Масуда». Отсюда следует, что разночтения, о которых идёт речь в различных источниках, объясняются лишь различиями меж диалектами; именно в этом заключается причина разного прочтения или произношения отдельных слов различными племенами.

Хадис о разночтениях.

Согласно Хадису, разрешение читать Коран на разных диалектах было дано, когда ислам был принят многими арабскими племенами, то есть к концу того периода, в течение которого Святой Пророк был духовным пастырем. В Б.66:5 приведены убедительные данные в пользу этого утверждения. Согласно этому источнику, Умар был удивлён тем, что Хишам, принявший ислам после завоевания Мекки, читал некоторые слова в манере, отличной от общепринятой. Тут следует иметь в виду, что, как известно, девять десятых Корана было явлено Пророку ещё до завоевания Мекки, причём весь Коран был ниспослан ему на языке курайш. Разночтения возникали только в тех случаях, когда их причиной была необходимость приобщить к миру ислама непросвещённые племена, которые говорили на диалектах, считающихся, в общем и целом, арабскими, но в произношении отдельных слов слегка отличающихся от диалекта курайш. Мы уже приводили примеры подобных различий. Носители диалекта курайш говорят *хатта* (в значении «до тех пор, как»), в то время как носители диалекта хузаил произносят то же слово как *атта* — при

полном совпадении значений. Другие примеры подобных разночтений — *тиламун* вместо *таламун* (так это слово произносят представители племени асад); *ясин* вместо *асин* в 47:15; произнесение звука, соответствующего *хамзе* (одной из букв алфавита), племенем тамим там, где представители племени курайш не читают её, и т.д. (ФБ., т. ix, стр. 25).

Чтобы подтвердить сказанное, я могу привести следующую цитату: «Священный Коран был вначале явлен Пророку на языке племени курайш и тех арабских племён, которые жили поблизости и говорили на чистом арабском; затем другие племена арабов получили разрешение читать Коран на своих собственных диалектах — а они с детства привыкли по-иному, чем в чистом арабском, произносить как некоторые слова, так и звуки, соответствующие точкам, обозначающим гласные. Поэтому ни одно из этих племён не принуждали оставить свой диалект ради какого-либо другого; в противном случае люди этих племён испытали бы затруднения. Кроме того, это было разрешено из-за приверженности каждого племени своему собственному диалекту, дабы легко было им понимать то, что читали они. Однако всё это было дозволено лишь при одном условии: не должно было возникнуть различий в значении» (ФБ., т. ix, стр. 24).

Во всех источниках, где затронута эта тема, указывается причина, по которой было даровано разрешение, и в каждом случае мы убеждаемся, что причина эта соответствует сказанному выше. Например, согласно одному из сообщений, Святой Пророк попросил ангела, чтобы тот «облегчил» чтение Корана народу его, указав на то, что в противном случае будут люди и дальше испытывать трудности (Мс. 6:13, *Фадаил аль-Куран*). Согласно другому известию, Пророку пришлось сказать, что его народ «не может выдержать это», т.е., иными словами, что все арабские племена не могут читать на одном диалекте (Мс. 6:13). Согласно третьему источнику, Пророк просит за свой народ, говоря, что он неучён и что среди людей его есть и старая женщина, и старик, и мальчик с девочкой, и мужчина, который никогда не учился читать (Тр. Абваб *аль-кираат*). Поэтому было им разрешено читать отдельные слова так, как произносились эти слова на их собственных диалектах. Мы располагаем ещё одним свидетельством, заканчивающимся словами «поэтому читайте так, как вам легче» (Б. 66:5); это показывает, что разрешение читать Коран не на диалекте курайш, а на других диалектах было дано с целью облегчить доступ к Корану тем, кто в этом нуждался.

То, насколько отличались друг от друга различные диалекты, на которых было разрешено чтение Корана, не является особенно существенным вопросом; нету, впрочем, сомнения — и уверенность в этом основана на многих примерах, приведённых в различных источниках, — что различия меж диалектами были, в целом, весьма незначительны и не имели большой важности. Опираясь в этом своём утверждении на свидетельство документов, которые сохранила история, мы, в то же время, не имеем оснований отрицать, что в некоторых случаях смысл слова одного диалекта было позволено выразить словом другого диалекта, — если, конечно, во втором диалекте соответствующее слово первого отсутствовало. Именно это имеется в виду в тех источниках, где говорится, что порой разрешалась замена слова оригинала на синонимичное слово. Такой пример приводится в одном источнике, где объясняется, что взаимозаменяемы были слова *таали*, *халумма* и *акбил*, каждое из которых означает «приходить». Этот пример разночтения не является одним из реально наличествующих в тексте Корана; он приводится лишь для того, чтобы продемонстрировать характер разночтений в подобных случаях. Другие разночтения, причиной которых были различия меж диалектами, имели куда менее существенный характер и сводились, в основном, к неординаковому произношению знаков, соответствующих гласным. Таким образом, значение ни в одном случае не изменялось. Существовали различия в произношении отдельных слов, но передаваемый смысл был абсолютно тождественным.

Разночтения никогда не составляли части текста

Следует также учитывать, что варианты прочтения никогда не входили в текст Священного Корана как часть его и, кроме того, что никогда не предполагалось сохранить эти разночтения навсегда. Причина, по которой возникли разночтения, имела чисто временный и узко локальный характер. Разночтения ни в коей мере не изменяли текст Священного Корана в том виде, в коем он был явлен. Сам Святой Пророк никогда не читал в молитвах перед собравшимися ни единой из строк Священного Корана на каком-либо диалекте кроме курайш. Если бы Пророк хоть

когда-нибудь поступил по-другому, такие люди, как Умар и Убайи, которые произносили свои ежедневные молитвы вместе со Святым Пророком, не относились бы отрицательно к диалектным разночтениям текста Корана, что противоречит историческим свидетельствам, которыми мы о них располагаем. Действия Святого Пророка показывают, таким образом, что разрешение использовать отдельные диалектизмы ни в какой мере не изменяло изначального текста Священного Корана. Другим доказательством убеждённости Святого Пророка в том, что только курайш должен постоянно употребляться как язык Священной Книги и что диалектными вариантами дозволено пользоваться лишь временно, представляется следующий факт: при записи текст Корана — даже когда разрешены были диалектные разночтения — не претерпел никаких изменений.

Ни в одном экземпляре Корана нет каких-либо отступлений.

Теперь мы можем рассмотреть второе возражение. Предполагается, что из-за разночтений, наличие которых отмечается в ряде хадисов, а также в некоторых комментариях, нелегко определить, каков он — изначальный текст, явленный Пророку в откровении. Но в чём бы ни заключалась специфика разночтений, о которых шла речь выше, одно соображение позволяет полностью решить вопрос о чистоте текста Корана: нигде в мире нет ни одного письменного текста Корана, который хоть чем-либо отличался бы от других. Во все века и во всех странах существовал, несмотря ни на что, один-единственный текст. Никакое из разночтений не привело — где бы то ни было во всём мусульманском мире — к замене хоть одного слова в тексте Священной Книги. Есть на свете мусульманские страны, что находятся на огромном расстоянии друг от друга, есть мусульмане, что на протяжении веков были разделены, есть и мусульманские секты, что непримиримы в своей вражде, — и, тем не менее, все мусульмане всегда пользовались одним текстом Священного Корана, и не было сделано ни единой копии, в которой текст был бы хотя бы несколько иным. Это обстоятельство отнюдь не связано с выполнением чьей-либо высочайшей воли, ибо мусульманский мир никогда не подчинялся одному лишь какому-нибудь властителю. Более того, если уж властителям не удалось оказать ни малейшего воздействия на то, каким образом произносился — согласно различным традициям чтения — текст, тем более нет никаких оснований полагать, что власти могли или даже сумели вмешаться в то, как этот текст записывался. Поэтому если бы те, кому сейчас приписывают допущение определённых отступлений от нормы в области прочтения слов Священной Книги, придавали этим разночтениям такое же значение, какое им придают современные критики, они, безусловно, ввели бы привычные им варианты прочтения слов в свои личные копии Корана, изменив, таким образом, текст. Но не существует ни единого экземпляра, который отличался бы хоть малейшим образом от канонического текста Корана. Я писал об этом в своей монографии «Состав и композиция Священного Корана», и читатели, желающие более подробно ознакомиться с различиями, возникающими при чтении Священной Книги вслух, а также больше узнать о попытках подвергнуть сомнению чистоту текста Корана, могут обратиться к этой работе. Здесь, впрочем, я хотел бы добавить, что если кем-то даже и высказывалось порой какое-либо мнение, противоречившее общему свидетельству сподвижников Пророка, то принималось мнение последних. Усман — и об этом речь уже шла — действовал лишь с согласия всех сподвижников Пророка. Даже если предположить, в целях чисто дискуссионных, что он что-то опустил при подготовке текста, то и тогда следует признать: такое не могло бы не обнаружиться после его смерти. Даже убийцы Усмана не вмешивались в распространение текстов Корана, переписанных по его приказу, и не пытались ввести в обращение иные копии, или же новые главы, или хотя бы один только новый стих. Они никогда не утверждали, что какое бы то ни было слово в откровениях Пророка было изменено Усманом. Когда власти Усмана пришёл конец и он был безжалостно убит повстанцами, что могло бы помешать распространению тех фрагментов, которые, якобы, были опущены по его приказу? После завершения царствования Усмана такие фрагменты можно было бы распространить, и нет сомнения, что были бы они тогда включены в текст Корана. Но ни о чём подобном история нам не рассказывает. Несмотря на все различия, разные люди и разные секты всегда использовали один и тот же текст Корана.

Во всём мусульманском мире есть лишь один Коран.

Порою утверждают, что шииты считают Коран неполным. Ответом может быть цитата из «Жизни Мухаммада» Мюира, где затронут этот вопрос: «Если

предположить, что мы обладаем подлинным текстом, подготовленным Усманом, то остаётся выяснить, действительно ли этот текст является точным воспроизведением текста Зейда, в котором лишь были унифицированы разночтения, не имевшие принципиального значения. У нас есть все основания полагать, что это так. Ни в одном из ранних и заслуживающих доверия источников не выражается каких-либо сомнений относительно сделанного Усманом — не внёс ли он, дескать, изменений в текст Корана, чтобы утвердиться в своих притязаниях. Впрочем, позднее шииты высказывали предположение, что Усман опустил какие-то суры или фрагменты, говорившие в пользу Али. Но такое не представляется вероятным. Когда по приказанию Усмана переписывали текст Священной Книги, отношения между Омейядами и Алидами ещё не были разорваны в открытую. Единству ислама пока ничто не грозило. И, значит, не было и причины, которая могла бы заставить Усмана совершить преступление, являющееся в глазах мусульман одним из самых ужасных. Кроме того, в то время, когда шла подготовка к распространению текста Священной Книги, были живы ещё сотни людей, слышавших Коран из уст Пророка и помнивших его наизусть; да и записи фрагментов, где высказывалось бы предпочтение Али, если только такие фрагменты когда-либо существовали, должны были бы находиться у его многочисленных приверженцев. Оба эти источника — устный и письменный — позволили бы разоблачить любую попытку опустить что-либо. Далее, партия Али, сразу после смерти Усмана, приобрела полную независимость и сделала Али халифом. Можно ли полагать, что, получив, таким образом, власть, они бы и далее терпели существование урезанного текста Корана, причём урезанного специально для того, чтобы помешать притязаниям их лидера? Однако, как нам известно, они продолжали использовать тот же текст Корана, что и их противники, и никаких абсолютно возражений против этого не возникало».

В связи с этим я хотел бы привести несколько слов из «Тафсир Сафи»; они принадлежат Мулле Мусину, стороннику шиизма, автору комментария к Священному Корану: «Некоторые предстатели нашего движения и движения Хашвия утверждали, что текст Корана подвергся искажениям и что некоторые места были опущены. Но друзья наши искренне верят, что это не так, и в большинстве своём верующие разделяют такое мнение. Ибо Коран — чудо Святого Пророка, источник всех знаний, на которых зиждутся законодательство и религиозные установления. Просвещённые мусульмане сделали всё возможное, дабы сберечь Священный Коран, и потому нет ничего в его тексте, что было бы им неизвестно, будь то точки, соответствующие гласным, или же правила чтения его, или его буквы, или его стихи. Зная, какие меры были приняты для сохранения Корана, зная, с какою преданностью оберегали Священную Книгу (мусульмане), способен ли кто полагать, что изменения текста или потеря части его могли бы, и в самом деле, иметь место!» (стр. 14).

Учёный автор далее добавляет: «Нет сомнений в том, что Коран был собран и составлен при жизни Святого Пророка; его текст дошёл до нас, ни в чём не претерпев изменения. Доказательством является тот факт, что даже при жизни Святого Пророка Коран читался и заучивался наизусть полностью, и существовала группа сподвижников Пророка, чьим долгом было запоминание Корана наизусть. Точно так же, целиком, читался Коран Святому Пророку (ангелом)».

Листы доктора Минганы.

В заключении мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу того, что считает великим открытием доктор Мингана, — «Листов из трёх древних Коранов». Эти несколько листов, ни на одном из которых не содержится записи всего текста Корана или хотя бы значительного фрагмента Священной Книги (на них — лишь небольшие отрывки из неё), были, как утверждает, найдены доктором Эгнис Льюис Минганой в антикварном магазине. Когда и кем были записаны эти отрывки — вопросы, на которые доктор Мингана не даёт ответа. Все заверения относительно того, что записи восходят к эпохе, предшествующей царствованию Усмана, или же являются копиями текстов Корана, сделанных до Усмана, — это просто догадки, смело именуемые фактами. Какие же отличия от общепринятого текста характеризуют то, что можно прочесть на этих листах? Отдельные слова написаны иным стилем письма; есть некоторые (итого три) отступления; в трёх местах опущены три слова (*хува*, *каффа* и *ма-лакум*), и одно слово, *Аллах*, добавлено.

И вот на такой-то основе делается уверенное утверждение, что Усман, якобы, внёс изменения в текст Корана, — тогда как даже беглый взгляд, брошенный на эти

листы, позволяет увидеть в них дополнительное свидетельство того, что Коран един и неизменен и что всегда он оставался всё тем же. На листах этих не найти ни пропусков, ни добавлений, ни изменений порядка стихов или частей их, ни отступлений от общепринятой композиции глав или эти главы составляющих стихов, ни перемены какой-нибудь места того или иного стиха. По существу, фрагменты Корана, которые записаны на этих листах, не отличаются от тех, что содержатся и в каноническом тексте. Наличествующие же разночтения относятся к неизбежно возникающим при переписывании текста неопытным копиистом. В процессе создания списков Корана в тексты рукописей порою вкрадывались ошибки, и Усман приказал подготовить копии, подлежащие официальному признанию, именно для того, чтобы избежать возникновения подобных ошибок, — дабы все изготовленные впоследствии экземпляры сравнивались бы со сделанными по его приказу и неточности, допущенные при переписывании, могли бы быть, благодаря этому, исправлены. Совершенно очевидно, что те несколько ошибок, которые были обнаружены в «Листах», — это ошибки, сделанные при переписывании неопытным писцом; применительно к тексту, исследованному доктором Минганой, это

совершенно очевидно — примером может служить написание вместо ;

 вместо ; вместо ; вместо ;

 вместо ; вместо и т.д. Перед нами явно ошибки, сделанные во

время переписывания; возможно также, что порой диакритический знак или часть буквы пропадали попросту из-за того, что оказывались стёртыми. Забавно, право, что чистота текста Священного Корана оспаривается из-за нескольких случайных листов, содержащих записи, сделанные неизвестным и малообразованным человеком, записи, стиравшиеся для того, чтобы на их месте были сделаны другие. Итак, не входя в подробности, отметим, что разночтения, якобы обнаруженные благодаря этим листам, можно объяснить отчасти описками, отчасти тем, что строки соскабливались с пергамента для записи на нём другого текста, отчасти наложением одного текста на другой, отчасти же, пожалуй, сомнительным прочтением, предложенным доктором Минганой.